

АКТИВИЗАЦИЯ СУБСТАНТИВНЫХ
ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

UNIwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Wydział Neofilologii
Instytut Filologii Rosyjskiej

Andrzej Narloch

**Активизация субстантивных
предложных словосочетаний в
современном русском языке**

POZNAŃ 2011

Recenzent: prof. dr hab. Michał Sarnowski

© Copyright by Instytut Filologii Rosyjskiej 2011

Projekt okładki: Monika Narloch
Skład i łamanie: Andrzej Narloch

ISBN 978-83-930308-6-6

WYDAWCA: INSTYTU FILOLOGII ROSYJSKIEJ UAM
61-874 Poznań, al. Niepodległości 4

Wydanie I. Nakład 70 egz. Ark. wyd. 5,7. Ark. druk. 7,5.

ZAKŁAD GRAFICZNY UAM, POZNAŃ, UL. H. WIENIAWSKIEGO 1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I СЛОВСОЧЕТАНИЕ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ	12
1.1. СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА.....	12
1.2. СОЧЕТАЕМОСТЬ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ.....	14
1.3. СТРУКТУРА СЛОВСОЧЕТАНИЯ.....	16
ГЛАВА II МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОГА В СЛОВСОЧЕТАНИИ	19
ГЛАВА III АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВСОЧЕТАНИИ	25
3.1. ОСЛАБЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПАДЕЖЕЙ.....	25
3.2. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ	30
3.3. НИВЕЛИРОВКА ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ	41
3.4. АНАЛОГИЯ И КОНТАМИНАЦИЯ.....	64
3.5. ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ.....	79
3.6. СТРУКТУРНАЯ КОМПРЕССИЯ.....	86
3.7. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРОИЗВОДНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ.....	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
РЕЗЮМЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	103
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	108
ЛИТЕРАТУРА.....	111

ВВЕДЕНИЕ

Русский язык, подобно другим языкам мира, подвергается различным трансформациям как в области лексики, так и грамматического строя. Основные изменения грамматического и лексического уровней представлены в ряде лингвистических работ¹. Изменения в сфере грамматической системы необходимы, так как всякий живой язык непрерывно развивается и совершенствуется для того, чтобы стать достаточным средством общения и выразить усложняющиеся взаимосвязи между фактами внеязыковой действительности. Эволюция языка идет очень часто вразрез с актуально принятыми в языке унифицированными нормативными правилами.

Одними из главных факторов, которые определяют любые изменения языкового строя, являются, с одной стороны, внутрисистемные трансформации, с другой – внешние причины, тесно связанные с общественно-социальными изменениями. Внутренние факторы развития языка освещены М.В. Пановым и связаны, между прочим, с языковыми антиномиями (РЯСО, 1). На уровне синтаксиса словосочетания изменения обусловлены, главным образом, внутриязыковыми факторами, которые связаны с совершенствованием грамматической системы. В связи с этим возникает тенденция к развитию обобщающих грамматических значений, с другой – идет процесс дифференциации значений, передачи одинаковых или смежных значений посредством одной словоформы. Одним из факторов, воздействующих на языковую ситуацию, было то, что русский литературный язык в послеоктябрьскую эпоху стал достоянием самых широких масс общества (Шмелев 2002, 440). В частности 80-90-ые

¹ См. работы: *Русский язык конца XX столетия*, под ред. Е.А. Земской, Москва 1996; Г.Н. Акимова, *Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка*, Ленинград 1982; Л.К. Граудина, *Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты*, Москва 1980; В.А. Ицкович, *Конструкции с предлогом по*. В: *Грамматика и норма*, Москва 1977; *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка (РЯСО)*, под ред. М.В. Панова, Москва 1968; Н.Н. Прокопович, *Словосочетание в современном русском литературном языке*, Москва 1966.

годы XX в. отличаются коренным преобразованием стереотипного фонда и стилистической системы mass-media².

В лингвистической литературе достаточно широко представлены вопросы, затрагивающие языковые изменения в сочетаемости слов³. Немалое место отводится изменениям в области словосочетательных свойств глаголов, затрагивая лишь частично вопрос инноваций в сфере дистрибутивных потенций существительных, прежде всего тех, которые словообразовательно или по смыслу соотносятся с глаголами.

Лингвисты неоднократно отмечали упрочнение в современном русском литературном языке конструкций из разговорного языка (РЯСО), (Шведова 1966), (Костомаров 1971). Как полагает К.А. Рогова, “влиянием разговорной речи объясняются многие изменения, происшедшие в языке советской публицистики” (Рогова 1975, 5).

Е.В. Какорина обращает внимание на процессы стилистического изменения языка газеты и публицистики (Какорина 1992, 5-10). Широкое распространение приобретает живая речь в книжных стилях, прежде всего, газетно-публицистическом, который в наше время характеризуется стилистическим синкретизмом, проявляющимся в смешении различных стилей и пластов языка.

Одной из таких тенденций является усиление разговорности синтаксиса на письменную речь (Валгина 2003, 184-188). Эти факты непосредственно связаны с отменой жесткой цензуры и редактурой в 80-90 гг. XX века (Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык 1997, 203). Газетно-публицистический стиль приобретает все более широкую популярность, что, в свою очередь, связано с развитием новых техник передачи информации и развитием средств массовой информации. Характерной чертой газетно-публицистического стиля

² См. главу *Стилистические изменения в языке газеты* Е.В. Какорины. В: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык*, red. E. Širjaev, Opole 1997, сс. 61-80.

³ Существует большое количество научных работ, посвященных изучению синтаксических изменений. Приведем некоторые из них: Г.Н. Акимова, *Новые явления...*, указ. соч.; Р.В. Болдырев, *О некоторых лексико-грамматических изменениях в синтаксисе управления русской разговорной речи (предложные конструкции)*, Автореф. диссерт., Киев 1964; Л.К. Граудина, *Вопросы нормализации...*, указ. соч.; Г.А. Золотова, *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва 1973; *Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века*, под ред. В.В. Виноградова, Москва 1964; В.А. Ицкович, *Конструкции с предлогом по...*, указ. соч.; *Морфология и синтаксис...*, указ. соч.; Н.Н. Прокопович, *Словосочетание в современном русском литературном языке*, указ. соч.; *Русский язык конца XX столетия*, указ. соч.; Н.Ю. Шведова, *Активные процессы в современном русском синтаксисе*, Москва 1966; A. Bartoszewicz, *Zagadnienia ewolucji współczesnego języka rosyjskiego*, Warszawa 1987; *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык*, red. E. Širjaev, Opole 1997 и др.

является тенденция к сжатости, точности, однозначности выражения понятий. Стяжение языковых единиц ведет к упрощению языкового кода и плана выражения. Параллельно идет процесс семантической конденсации языкового знака, связанный с имплицитностью некоторых элементов смысловой структуры. Такие процессы лежат уже в русле структурной компрессии, которая проявляется, в частности в синтаксисе и словообразовании⁴.

Отмечается стилевая эклектичность языка газеты как по жанровым, так и по стилевым признакам (Кузнец, Скребнев 1960, 124). По словам К.А. Роговой, “Одну из качественных особенностей этого стиля составляет его языковая «подвижность», «проницаемость» для новых явлений, и с этой точки зрения он представляет интерес для лингвистов как сфера протекания активных языковых процессов” (Рогова 1975, 3).

Динамика и разнообразие языка прессы являются плодотворной почвой для разных инноваций в области лексики и синтаксиса. Как утверждает Н.Ю. Шведова, “Язык газеты дает богатый материал для наблюдений над живыми синтаксическими процессами: обращенный к массовому читателю и в значительной степени ориентирующийся на его языковые навыки, язык этот чужд консервативности, он очень проницаем, и почти все то новое, что входит в систему письменной речи из «говорения», проходит через каналы ежедневной периодической печати” (Шведова 1964, 3).

Непосредственное воздействие на формирование нового дискурса имеют также политические изменения. По определению М.Я. Гловинской, “Возник спонтанный политический дискурс. Все это способствовало высвобождению стихийного неуправляемого начала в языке, которое верет верх над нормативным, консервативным, контролируемым началом” (Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык 1997, 203). Как замечает Д.Н. Шмелев, такие изменения важны в частности для лексики, хотя отражаются и в синтаксисе (Шмелев 2002, 442).

В настоящей работе внимание уделяется субстантивным предложным словосочетаниям, у которых наблюдаются процессы

⁴ См. работы: Е.А. Земской, Е. Калишана, З.Д. Поповой, А.В. Исаченко, М.Н. Шанского, Г. Г. Инфантовой, В. В. Виноградова.

изменения сочетаемости под влиянием формальных и семантических факторов. В монографии предпринята попытка дать систематизацию синтаксических процессов развития предложных субстантивных словосочетаний. Анализируются субстантивные предложные словосочетания с послевоенного периода до начала XXI века. Большая часть регистраций датируется концом XX и началом XXI века, так как этот период представляет особо ценный пласт экзemplификационного материала. Сбор материала осуществлялся за счет печатных и электронных изданий. Фактический материал охватывает 2536 словосочетаний. Из 58 печатных изданий таких газет, как: *Московские новости*, *Сегодня*, *Московский Комсомолец*, *Московская правда*, *Известия*, *Аргументы и Факты*, *Вечерняя Москва*, *Правда*, *Новая Газета*, *Техника – молодежи*, *Компьютерная неделя* и ряда др., нами было отобрано 2158 словосочетаний. Экзemplификационный материал 16 интернет-изданий составлен на основе таких газет, как: *Комсомольская правда*, *Независимая газета*, *Газета.ru*, *Lenta.ru*, *Полит.ру*, *Правда.ру*, *Ведомости*, и составил 378 словосочетаний. Для более наглядной иллюстрации синтаксических процессов в работе приводятся единичные примеры из других научных работ, а также данные современных толковых словарей⁵. Перечень всех источников дается в конце книги.

Изменения в сфере сочетаемости предложных словосочетаний устанавливаются намного быстрее по сравнению с другими грамматическими изменениями. Тем не менее, возникновение новообразования еще не предопределяет его закрепленность в языке, так как всякая инновация вначале своего существования стоит вне нормы. На дальнейшем этапе можно говорить о колебании нормы, т.е. о нестабильности плана выражения (Шварцкопф 2001, 376). Не каждая инновация получает с течением времени свое нормативное признание, а лишь та, которая стабилизировалась и широко воспроизводится. Автор отдает себе отчет в трудностях установления каких-л. жестких рамок на этапе формирования тех или иных языковых фактов.

⁵ В настоящей работе использовались следующие толковые словари: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1997; *Большой толковый словарь русского языка*, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург 1998; *Большой академический словарь русского языка*, под ред. К.С. Горбачевича (13 том под ред. А.С. Герца), т. 1-13, Москва - Санкт-Петербург 2004-2009; Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка, Толково-словообразовательный*, т. 1-2, Москва 2000; И. А. Шишов, *Толково-словообразовательный словарь русского языка*, Москва 2004.

Как утверждает Д. Н. Шмелев, модели типа *перспектива к чему-л., факты о чем-л.*, “с точки зрения пуристического подхода к литературному языку являются как бы вне нормы, но совершенно ясно, что здесь происходят те изменения, которые, по-видимому, захватывают значительные стилистические разновидности языка, которые становятся фактами литературного языка, – естественно, не всегда, поскольку не всем новшествам суждено стать нормой языка” (Шмелев 2002, 58). С другой стороны, с течением времени, “общественная речевая практика узаконивает то или иное явление языка в качестве литературной нормы, но нельзя преуменьшать и доли сознательного воздействия на ее признание и закрепление” (Шмелев 2002, 439). Вопросы нормы, кодификации и узуса не будут предметом анализа, так как этому вопросу посвящается множество работ, справочников и пособий⁶.

Предлагаемая работа состоит из трех глав. Основные теоретические положения и тезисы представлены в первой главе – *Словосочетание в синтаксической науке*, в которой дается краткая характеристика учения о словосочетании. Затрагиваются теоретические вопросы сочетаемости, валентности слов, понятия синтагмы и структуры словосочетания. Вторая глава – *Место и значение предлога в словосочетании* посвящена обсуждению вопросов, связанных с функцией и значением предлогов в структуре словосочетания. Внимание уделяется также активности отыменных предлогов, которые конкурируют с первообразными предлогами.

Обсуждению синтаксических процессов и явлений, которые активно принимают участие в формировании новых конструкций, отводится третья глава – *Активные процессы в словосочетаниях*. Описанию подлежат такие языковые процессы, как ослабление значения падежных функций за счет предложных, процессы семантико-синтаксической аналогии и контаминации, перегруппировка связей в вербальной конструкции, а также структурная компрессия.

Кроме того, в работе представлен лексико-семантический анализ стержневых существительных, что позволяет определить динамику тех или иных сфер проявления человеческой активности. Для полного

⁶ Вопросы нормализации русского языка затрагиваются, между прочим, в трудах: Н.С. Валгины, К.С. Горбачевича, В.Г. Костомарова, Л.В. Щербы, Л.Н. Мурзина, В.И. Чернышева, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, Л.К. Граудины и др.

выявления синтаксических фактов вкратце описывается также синонимика словосочетаний. Работу завершает подведение итогов, резюме на польском языке, список источников, а также библиографический указатель.

ГЛАВА I

СЛОВСОЧЕТАНИЕ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Словосочетание как синтаксическая единица

В языковой системе между соответствующими элементами языка устанавливаются разные типы обусловленности, грамматической зависимости. Главным способом выражения подчиненности одного слова другому на докоммуникативном уровне является словосочетание. В синтаксической науке вопрос о словосочетании как синтаксической единице является спорным, его определение в грамматических трудах неодинаково. У многих ученых сталкиваются разные, иногда и противоречивые, точки зрения.

В учении о синтаксисе имеются три основных направления. Первое рассматривает синтаксис как учение о предложении и его членах (А. А. Шахматов, В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова)⁷, второе – как учение о словосочетании, т.е. о соединениях отдельных слов в речи (А. Х. Востоков, Ф. Ф. Фортунатов)⁸, третье – как синтез учения о предложении и учения о словосочетании (А. М. Пешковский)⁹.

Исключительно важную для определения словосочетания сыграла лингвистическая концепция Ф. де Соссюра, который ввёл термин *синтагма*, определив его как любые соединения языковых элементов, которые “выстраиваются один за другим в речевой цепи”, выражая отношения определяющего и определяемого (де Соссюр 1933, 121). В лингвистической науке неоднократно подчеркивается тезис

⁷ См. работы: А.А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, Москва 1941; В.В. Виноградов, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва 1972; *Русская грамматика*, под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва 1980, т. II.

⁸ См. работы: А.Х. Востоков, *Русская грамматика*, 1839, изд. 4; Ф. Ф. Фортунатов, *О преподавании грамматики русского языка в средней школе*, Москва 1957, т. II.

⁹ См. работу: А.М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва 1938.

о двучленности синтагмы (Апресян 1966, 33), (Балли 1955, 118), что одновременно исключает из словосочетаний сочинительные соединения.

Неоспоримое место в разработке теории словосочетания принадлежит В.В. Виноградову. Центральным в синтаксисе он признавал понятие предложения. Словосочетание, характеризующееся “меньшей самостоятельностью и определённой, чем слово и предложение”, занимает в его работах особое место и сопоставляется как с предложением, так и со словом (Виноградов 1947, 7). Это является принципиальным отличием от других синтаксических теорий словосочетаний. В.В. Виноградов писал: “[...] понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения” (Виноградов 1972, 12), следовательно, не всякое сочетание словоформ есть словосочетание, а лишь такое, которое построено по законам распространения одних словоформ другими.

Синтаксическую концепцию В.В. Виноградова углубляла Н.Ю. Шведова. Словосочетание, по словам Н.Ю. Шведовой, – “это то синтаксическое объединение, которое образуется сочетанием знаменательного слова и формы другого знаменательного слова на основе подчинительной связи” (Русская грамматика 1980, т. 2, 6). Формальную грамматическую зависимость одного компонента словосочетания от другого в случае, когда наличие подчинённого слова предопределяется категориальными особенностями стержневого слова, называем присловной подчинительной связью. Эта связь исходит от слова как лексико-грамматической единицы и не предопределена ни синтаксической позицией в предложении, ни выполняемой синтаксической функцией (Русская грамматика 1980, т. 2, 14). Таким образом, словосочетания, построенные на основе подчинительной связи, противопоставляются сочинительным и предложенческим связям.

Следует остановиться на своеобразном подходе к теории словосочетания, которую представляет Г.А. Золотова. Ученая признаёт, что предложение и словосочетание – две отличительные единицы, единицы разных уровней – коммуникативного и номинативного (Золотова 1973, 63). Г.А. Золотова констатирует необходимость более узкого понимания словосочетания. Признавая первичной синтаксической единицей русского языка синтаксическую форму

слова, она выделяет 3 типа таких форм: *свободную, обусловленную и связанную*. Каждый из типов входит в синтаксическую связь со словами абсолютной и релятивной семантики. Лишь в сочетании слова релятивной семантики со связанной синтаксической формой слова Г.А. Золотова видит необходимую двустороннюю связь, так как между словами обнаруживаются чисто грамматические отношения. Именно оформленность отношений позволяет усматривать подлинную грамматическую связь подчинения (Золотова 1973, 55). Следовательно, под словосочетанием следует понимать лишь связь согласования и управления, исключая примыкание.

Из данного изложения вытекает, что словосочетание неразрывно связано с его функционированием в структуре предложения. Однако в отличие от предложения, которое обладает модальностью, оно выполняет номинативную функцию.

Большое количество концепций, связанных с теорией словосочетания, вытекает из принятых различных теоретических предпосылок. В дальнейшей части анализа фактического материала нами приняты теоретические положения Н.Ю. Шведовой.

1.2. Сочетаемость и синтаксическая валентность

Исключительно важными в строении словосочетаний являются вопросы сочетаемости, которые предоопределяют синтаксическое окружение слова. Как пишут авторы *Русской грамматики*, в современном русском языке система подчинительных связей является очень сложной и разветвленной. Такая позиция объясняется следующими факторами: 1) разной сочетаемостью у разных частей речи; 2) определяющие формы “по-разному взаимодействуют с лексическими и грамматическими значениями слов грамматически главенствующих”; 3) наличием семантически ограниченных, а также “лексически закрытых связей”; 4) наличием в языке двойных подчинительных связей, не полностью реализующихся в предложении; 5) сосуществованием в языке старых норм, что приводит к образованию стилистических, семантических рядов (Русская грамматика 1980, т. 2, 14-15).

Как замечает Д. Н. Шмелев, “Когда речь идет о сочетаемости слов, в первую очередь необходимо определить, в какой степени эта сочетаемость диктуется предметно-логическими связями самой действительности и в какой степени она ограничена определенными правилами и закономерностями сочетания слов, существующими в языке” (Шмелев 2002, 46).

Языковые единицы, функционируя в речи, вставляются один за другим в речевом потоке. Связь между словами выявляется на нескольких уровнях языковой структуры. Слова связываются на уровне лексики и лексической семантики, морфологии, синтаксиса, интонации, т.е. языковые единицы объединены 4 типами синтагматических отношений (Головин 1969, 78).

Свойство слова “сочетаться с другими словами в контексте речи будем называть *синтаксической валентностью* или *сочетаемостью* данного слова” (Кацнельсон 1948, 64). Семантическая валентность это потенциальная способность слова окружаться словами определённой семантической группы, способность входить с ними в лексико-семантические связи, исключая при этом слова иной семантики.

Теоретическая сторона вопросов валентности подробно представлена Л. Теньером, Г. Бринкманом, Й. Ербеном, С.Д. Кацнельсоном, В.Г. Адмони, Б.А. Абрамовым. На современном этапе признаётся существование валентности на различных языковых уровнях. В зависимости от направления выделяются разные виды валентности: логическая, семантическая, синтаксическая. Синтаксическую валентность слова определяют как “способность слов вступать в синтаксические соединения с определённым лексико-грамматическим классом слов и выполнять при этом определённую синтаксическую функцию” (Бондина, Архипкина 1984, 4). Валентность характерна для структуры языка, а конкретную реализацию в речи сочетательных возможностей языковой единицы называют сочетаемостью. Валентность и сочетаемость – термины двух разных уровней языка. Первый отражает структуру языка, второй – факт речи. Вопросы валентности и сочетаемости напрямую связаны со структурой словосочетания.

1.3. Структура словосочетания

Подчинительная связь, устанавливающаяся между словоформами, является результатом распространения знаменательных частей речи. Изучение правил образования словосочетаний, взаимодействия одних типов с другими имеет большое значение в исследовании словосочетаний. По знаменательным частям речи, употребляемым в качестве стержневых компонентов, проводится и классификация словосочетаний по их основным морфологическим классам. Морфологическая природа опорного слова определяет и строение словосочетания. Принадлежность к той или иной части речи главного компонента является основным фактором, предопределяющим построение словосочетаний (Русская грамматика 1980, т. 2, 16). Кроме категориальной принадлежности главного компонента, структуру определяют словообразовательные связи стержневого компонента с другими частями речи, производность от других слов, семантические связи слов. Принадлежность слова к тому или другому лексико-грамматическому разряду обуславливает ограничения в дистрибуции со словами других лексико-грамматических разрядов. Принадлежность слова к определённой части речи очень существенна, так как разные типы связи и сопутствующие им смысловые отношения распределены по грамматическим классам слов (Русская грамматика 1980, т. 2, 14).

В классе имен существительных типичны модели с определяющим именем прилагательным, причастием, местоимением (*глубокий колодец, выцветшие обои, моя книга*). Существительные распространяются также характерным для этого класса родительным беспредложным с широким значением, внутри которого имеется целый круг частных значений: объектные – *чтение книги*, субъектные – *смех мальчика, крик птицы*, комплетивные – *куча дел*, характеристика качества – *девушка исключительной красоты*, поссесивность – *огород бабушки* и т.д. Морфологическая оформленность стержневого компонента в значительной степени предсказывает его структуру, так как для определенных частей речи характерны те или иные грамматические отношения, за которыми скрывается значение словосочетания. Под значением словосочетания понимают отвлеченное, обобщенное отношение между его компонентами (Кирпичникова 1977, 14). Отношения внутри словосочетания могут приобретать разный характер

– объектный, субъектный, комплетивный, атрибутивный и обстоятельный с различными частными типами.

Важную роль в образовании словосочетания играют словообразовательные связи главного слова с другими частями речи. Наблюдения в этой области показывают, что наиболее частотными являются однотипные конструкции, совпадающие по структуре, по типу связи и характеру выражаемых отношений внутри словообразовательного гнезда. Словосочетания с разными частями речи в качестве стержневого слова связаны друг с другом общностью основы и живыми смысловыми отношениями, образуя гнездо слов с однотипной связью. Ядром таких гнезд часто являются глаголы, которые распространяют свои дистрибутивные свойства на остальные части речи. Такое обусловливается как исключительно важной ролью глаголов в системе русского языка, так и многообразием синтаксических конструкций, образуемых данной частью речи. В частности наблюдается перенесение глагольного управления в словосочетаниях, в которых стержневое существительное является производным от глагола или словообразовательно с ним связано. Такое совпадение структуры заметно, прежде всего, у глаголов, которые управляют предлогами, напр.: *бороться за свободу – борьба за свободу, наблюдать за мальчиком – наблюдение за мальчиком, отказаться от предложения – отказ от предложения, заботиться о больном – забота о больном, тосковать по матери – тоска по матери.*

Однако не во всех случаях строение словосочетания обусловливается морфологическими связями частей речи. На синтаксическое поведение слова оказывает влияние лексическая семантика слова. Как правило, слова того или другого лексико-грамматического разряда могут объединяться в различные группы по их семантическим признакам. Семантические группы слов часто образуют одноструктурный тип связи, независимо от своих словообразовательных связей. Одну из таких семантических групп образуют слова со значением чувств, проявляемых по отношению к кому-л. (чему-л.), как положительных, так и отрицательных, напр.: *любовь, страсть, симпатия, ненависть* и др., которые сочетаются с зависимыми существительными с предлогом *к*. В данную семантическую группу входят существительные как соотносительные с глаголами, так и не связанные с ними. Одной семантической группой объединяются также

слова, называющие сильно переживаемые чувства (*восторг, страх, боязнь*) и сочетающиеся с предлогом *перед*. Следует отметить, что обычно соотносительные с ними глаголы не образуют модель с предлогом *перед*, а сочетаются с творительным падежом без предлога или с родительным падежом (ср. *восторгаться красотой природы, бояться хулиганов, страшиться болезни* и т.п.).

Таким образом, сочетаемость слов зависит от разных факторов. С одной стороны, дистрибуция обусловлена принадлежностью к той или иной части речи, словообразовательными связями с другими частями речи, с другой – формальной стороне противодействуют семантические факторы, объединяющие слова по семантическим полям, вокруг определенной модели, характерной для данного лексико-семантического разряда слов, что непосредственно связано с тенденцией к унификации типов сочетаемости и стандартизации средств выражения. Важную роль в словосочетании играет также предлог, сцепляющий оба компонента словосочетания. Обсуждению роли и функции предлога отводится следующая глава.

ГЛАВА II

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОГА В СЛОВСОЧЕТАНИИ

Предлоги занимают важное место в процессе строения словосочетаний. С помощью предлога выражаются грамматические отношения между словами (Астафьева 1974, 3). Они принадлежат к разряду служебных слов и оформляются как средство синтаксического подчинения существительного или субстантивированной части речи другим словам. Предлоги лишены номинативных значений, не служат обозначением предметов, явлений, свойств, действий, а выполняют лишь служебную синтаксическую функцию. Они выражают почти те же общие отношения, что и косвенные падежи имен существительных (Русская грамматика 1980, т. 1, 706).

В лингвистической науке нет единого мнения насчет лексического значения предлогов. Существуют две противоположные точки зрения относительно утраты предлогами лексического значения. Первая, репрезентируемая А.А. Шахматовым, А.М. Пешковским, И.И. Мещаниновым, исключает наличие лексического значения у предлога. Согласно этому направлению, предлоги имеют лишь формальное, грамматическое значение. А.М. Пешковский писал: “Предлоги, например, соответствуют в общем по значению флексиям существительных [...] у них остается одно формальное значение и нет совсем вещественного” (Пешковский 1938, 37). Как пишет И.И. Мещанинов, “[...] ни предлоги, ни союзы не являются носителями выражений понятия или наименования предмета и потому самостоятельного лексического значения не имеют” (Мещанинов 1978, 356). Разделяя мнение А.М. Пешковского, И.И. Мещанинов продолжает, что “[...] предлог по основной своей функции оказывается не чем иным, как одним из падежных формантов имени, увеличивая тем самым число падежей до значительного количества даже в индо-

европейских языках” (Мещанинов 1978, 357). С другой стороны, большая часть языковедов придерживается мнения, что предлоги не утрачивают своего лексического значения (Н.Ю. Шведова, В.В. Виноградов, В.Н. Ярцева, Н. Дурново, А.Н. Гвоздев, Е.В. Кротевич, Н.М. Александров, Е.Т. Черкасова, В.М. Жирмунский, П.А. Бертагаев). Так, В.В. Виноградов отмечает, что “в русском языке предлоги в большей своей части ещё не вполне утратили лексическую отдельность и ещё не стали простыми падежными префиксами, совсем лишёнными способности непосредственно выражать обстоятельственные отношения” (Виноградов 1972, 531).

А.Н. Гвоздев пишет, что предлоги “осуществляют синтаксическую связь между членами предложения и служат для выражения разнообразных отношений к предметам в широком понимании со стороны действий, других предметов, признаков” (Гвоздев 1973, 415).

Е.Т. Черкасова, анализируя производные предлоги, констатирует: “Лексические же значения этих полнозначных слов (вошедших в разряд предлогов) в процессе опредложивания не утрачиваются, лишь подвергаются сложному процессу качественного их преобразования в направлении усиления заложенной в их семантике способности к выражению релятивности. Этим и определяется своеобразие лексических значений предлогов: лексические значения предлогов, в отличие от лексических значений соответствующих полнозначных слов, к которым восходят их компоненты, особого качества: они содержат в себе обобщенное указание на отношение между словами” (Черкасова 1967, 12).

Н.Ю. Шведова также подтверждает, что “[...] в любом случае предлог имеет лексическое значение, различна лишь степень его абстрактности” (Русская грамматика 1980, т. 1, 710). В общем вопрос наличия или отсутствия лексического значения заключается по А.П. Боголепову, в смешении понятия несамостоятельности по употреблению в речи и отсутствия самостоятельного значения (Боголепов 1931, 49).

По словам Ч. Ляхура, “До сих пор нет однако достаточно выразительного определения термина «значение предлога», в литературе часто без разграничения употребляют термины «лексическое значение», «грамматическое значение» и «функциональное значение». С другой стороны, авторы работ до сих пор не пришли к общему

мнению при описании и определении характера значений предлога” (перевод авт.) (Lachur 1999, 90). Значение предлога, ввиду его многозначности, выявляется лишь в контексте в связи с определенной падежной формой имени и может быть очень широким, абстрактным или, наоборот, более узким, конкретным. Выражая определенные отношения, предлоги по грамматическому значению сопоставимы с падежными флексиями. Их называют *препозиционными флексиями* имен существительных (Грамматика современного русского литературного языка 1970, 311). Это обусловлено одним функциональным комплексом, в который входит предлог и падежное окончание, образуя предложно-падежную форму (ср. *на крыше, под столом, в лесу*).

Лексическая весомость предлогов различна. Некоторые предлоги, утрачивая свое лексическое значение, становятся выразителем лишь грамматического отношения (формальный, пустой предлог) между двумя словоформами, т.е. являются лишь показателем синтаксической связи, согласно определению В.В. Виноградова – послелогом глагола (Виноградов 1972, 532), напр.: *тосковать по матери, думать о ближайшем*. Такую связь глагола с предлогом он определяет идиоматичной. Предлог в таком случае является лишь формальным показателем связи, он семантически опустошенный (Русская грамматика 1980, т. 1, 710). Комплексный перечень значений предлогов в русском языке представляет М.А. Шелякин в книге *Функциональная грамматика русского языка* (Шелякин 2001, 41-51).

Учитывая структурную сторону, первичным предлогам противопоставлены непервообразные (производные, вторичные). Они сохраняют мотивационные словообразовательные и лексико-семантические связи со словами, от которых образованы. Выражаемые ими отношения более дифференцированы. Отыменные предлоги возникают на основе падежных форм имен существительных или форм имен существительных с непроизводным предлогом.

В анализируемом материале нами отмечена в частности активность предлогов: *в адрес, в области, по линии, в отношении, в рамках, в сфере, в лице*. Отыменные предлоги, благодаря семантической поддержке слова, вошедшего в состав предлога, способны более дифференцированно выражать частный вид грамматических отношений. Они более однозначны, благодаря соотнесенности с лекси-

ческим значением бывшего существительного, который *explicite* выражает отношения, исключая возможную многозначную интерпретацию, и тем самым не заставляют говорящего постоянно ссылаться на контекст (Žeberek 1994, 40). Зато наречные предлоги совмещают в себе функции грамматических категорий наречия и предлога (иногда и союза). В субстантивных словосочетаниях в частности заметна активность наречного предлога *вокруг*.

Трансформации внутри самих предлогов, расширение их значения, появление вторичных предлогов приводит к росту предложных словосочетаний (Изменения в системе словосочетаний 1964, 9). По определению В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, появление производных предлогов было вызвано потребностью определения “специализированных и однофункциональных средств выражения вполне определенных частных значений – таких средств, которые не допускали двусмысленности или неясности текста” (Изменения в системе словосочетаний 1964, 10).

В XIX веке, когда еще живыми были процессы формирования новых предлогов, наметилась тенденция рассматривать данные образования как свободные соединения падежных форм с первичными предлогами. Такую точку зрения представлял Ф.И. Буслаев, позднее А.А. Шахматов. Второй подход, противоположный первому, рассматривал в качестве предлогов любые устойчивые сочетания, которые в определенных условиях могут выполнять связующую роль (В.С. Бондаренко), (М.С. Бунина), (Т.П. Ломтев), (Е.Т. Черкасова), а главным критерием отнесения устойчивых сочетаний к предлогам является их неспособность выступать в самостоятельном лексическом значении.

В учении о предлогах вопрос о значениях слов, вошедших в разряд предлогов, является принципиальным, поскольку речь идет о соотношении их лексических и грамматических значений, которые играют существенную роль в процессе перехода полнозначных слов (их форм) в предлоги. Как правило, предлог является служебной частью речи. В.В. Виноградов установил семь признаков, отличающих служебные слова: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы, или словосочетания; 3) невозможность паузы после этих слов в составе речи); 4) морфологическая нерасчлененность или семантическая

неразложимость большинства из них; 5) неспособность носить на себе фразовые ударения; 6) отсутствие самостоятельного ударения на большей части первообразных слов этого типа; 7) своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов (Виноградов 1986, 33). Этими признаками отличаются также и предлоги.

Тенденция к появлению новых предлогов, по определению Е.Т. Черкасовой, связана с “процессом расширения значений падежей имен существительных, со все увеличивающейся их многозначностью” (Черкасова 1955, 74). Следовательно, в процесс образования новых отыменных предлогов вовлекаются падежные формы, которые обременены большим количеством значений (винительный, творительный, предложный), а также многозначные первообразные предлоги. Предлоги лишены предметной отнесенности, поскольку служат для выражения грамматических значений. Из этого видно, что знаменательные слова, обладающие этим свойством, не могут вовлекаться в круг предлогов. В их лексическом значении отсутствует элемент релятивности, который можно выделить в группе отвлеченных существительных (Черкасова 1955, 76). Процесс перехода в предлоги существительных достаточно обширно представлен Е.Т. Черкасовой и связан с развитием фразеологически связанных значений существительных.

Переход в предлоги существительных осуществляется в процессе утраты существительным вещественного значения. Такое существительное теряет морфологические признаки имени (происходит нейтрализация родовой и числовой формы слова), застывает в строго определенной форме. Наряду с этим, изменяется сам характер синтаксических связей существительного с другими членами предложения. Он утрачивает статус члена предложения, следовательно, неспособен уже определяться другими словами, что является одним из главных свойств этой части речи. Ослабляется связь предлога с предшествующим словом и он начинает тяготеть к следующему за ним существительному. Связь предлога с существительным становится все теснее. Со временем расширяется круг семантических групп существительных, способных сочетаться с новым предлогом. Элемент релятивности у существительного усиливается, утрачивается контакт со своим предметным значением, основной функцией бывшего

существительного становится служебная, связующая роль (Черкасова 1955, 97).

Несколько иной путь образования новых отыменных предлогов наблюдается у предлогов, образованных из сочетания первообразного предлога с падежной формой имени существительного, у которого отсутствует указание на грамматические значения, выраженные простым предлогом. Строительным материалом, как и в первой группе, служат падежные формы отвлеченных существительных. Процесс формирования этих отыменных предлогов, например, *в лице*, *в адрес* связан с развитием фразеологически связанных значений соответствующих существительных (Черкасова 1955, 97). Однако у существительных этой группы не наблюдается в их лексическом значении элемент релятивности. Такой оттенок может появиться в случае нестандартных для них сочетаний.

Суммируя сказанное, следует отметить, что роль и функция выполняемая предлогами в словосочетании исключительно важна, так как сказывается непосредственно на структурной и функционально-семантической стороне словосочетаний. Особенно выразительны в этом отношении производные предлоги, которые способны более четко передавать грамматические отношения.

ГЛАВА III

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВСОЧЕТАНИИ

3.1. Ослабление значения падежей

Словосочетание, будучи грамматически организованным единством, представляет собой смысловую структуру, основанную на лексико-семантических связях компонентов, образующих подчинительную единицу. На этой основе возникают грамматические отношения, выявляемые между элементами словосочетания. В падежных словосочетаниях значение конструкции соотнесено со значением падежной формы субстантива. Процесс вытеснения некоторых типов падежных конструкций предложными отмечался уже в XVIII веке (Виноградов 1972, 545). Тогда синтетические падежи были обременены значительно большим количеством грамматических значений. В основном это касалось многофункциональности родительного падежа, в меньшей степени остальных падежей. Родительный падеж обременен самым большим количеством значений. По М.А. Шелякину, он способен передавать 13 значений (Шелякин 2001, 40). Высвобождение родительного падежа от некоторых принудительных связей и его закрепление за предложными сочетаниями постепенно привело к появлению новых предложных конструкций. В XIX веке экспансия предложных структур продолжается (Белошапкина 1964), (Филиппова 1964).

Изменения в употреблении предложных и беспредложных сочетаний связаны непосредственно с осложнением системы грамматических значений предлога. Как отмечает Ч. Ляхур, расширяется диапазон предложных сочетаний, употребляемых в функции предлога (Lachur 2007, 295). Предлоги обогащаются новыми значениями, с течением времени расширяется возможность связи определенных типов предлогов с семантическими классами существительных. Результатом обогащения значений предлогов является рост их абстрактности. Кроме того, расширяется и процесс

развития новых типов предлогов, которые становятся привлекательным средством передачи значений. Благодаря выразительному значению предлога (точнее – значению бывшего существительного или других частей речи, вошедших в его состав), устраняется его многозначность. В связи с этим обогащается и синтаксическая синонимика.

Как отмечалось, в русском языке одним из наиболее функционально нагруженных является родительный падеж. Многие предложные сочетания появились на основе первоначальных сочетаний с зависимым родительным падежом, которые выражают значения недифференцированным способом. Данный факт связан с тем, что каждое существительное может потенциально образовать словосочетание с зависимой формой родительного падежа. Одной из важнейших причин формирования предложных сочетаний на основе падежных является стремление избежать двузначности, которую может нести падежная форма. Так, в словосочетании *лагерь детей* трудно установить без опоры на контекст, имеет ли падежная форма possessive значение или функцию назначения, которая реализуется также с помощью предлога *для* (*лагерь для детей*). Показательна в этом плане и конструкция *дом престарелых*, в которой введение предлога исключает двоякое толкование, ср. *дом для престарелых*. В словосочетании *контроль банка* неизвестно, то ли *банк контролирует*, то ли *банк контролируют*. Полифункциональность исключена у предложной конструкции, т.е. появляется только объектное значение при введении предлога *над* (*контроль над банком*). Двоякое понимание падежной формы имеется в конструкции *победа строя*, где без знания более широкого контекста неясно, *строй победил* или *строй был побежден*. В последнем случае на помощь приходит предлог *над*, ср. *победа над строем*. Правда, само появление предлога может быть вызвано разными синтаксическими процессами, которые описаны в дальнейшей части работы.

Появление предлога неоднократно приводит к обогащению значения словосочетания. Формирование предложных словосочетаний на основе падежных очень часто сопровождается появлением дополнительного смысла, благодаря лексическому значению предлога. Так, в словосочетании *программа для вывода войск* предлог вносит целевое значение. В словосочетаниях *тенденция к повышению раскрываемости убийств*, *сигнал к началу* предлог *к* вносит значение

направленности действия на объект. В модели *сигнал к чему-л.* имеется указание на мотив, побуждение к определенному действию. Данные конструкции имеют соотносительные с ними беспредложные модели.

В конструкциях *стабильность на рынке, экономия на строительстве, авария на электроподстанции* наблюдается обогащение значений объекта локальным значением. Ср. соотносительные с ними беспредложные образования: *стабильность рынка, экономия строительства, авария электроподстанции*. Такой же дополнительный смысл, по сравнению с беспредложной конструкцией, несут словосочетания с предлогом *в*: *нарушения в организации, изменения в политике, ограничения в общественной жизни*, ср. падежные словосочетания: *нарушения организации, изменения политики, ограничения общественной жизни*.

Появление предлога, проводящее к изменению сочетаемости, может сопровождаться также изменениями в семантике опорного компонента. Как пишет Д.Н. Шмелев, “[...] изменение значения слова сказывается на изменениях его сочетаемости” (Шмелев 2002, 57). Например, существительное *ограждение*, сочетаясь с подчиненной формой в родительном падеже, является отглагольным существительным со значением действия, ср. *Ограждение дачи закончилось очень поздно*. Слово *ограждение* в сочетании с зависимой предложной формой выражает вполне конкретный предмет, являющийся материалом для такого ограждения, ср. *Мы купили ограждение на дачу*. В словосочетании *перспективы для лечения* опорное слово имеет значение ‘виды, планы на будущее’, а прямое значение выражается падежным сочетанием с существительными, обозначающими части пространства, напр.: *перспектива улицы, перспектива города*.

В некоторых случаях предпочтение предложной конструкции перед падежной не сказывается на дополнительном смысле словосочетания, а также не изменяет семантику стержневого слова. Предложное словосочетание оказывается предпочтительнее по сравнению с падежным и функционально соответствует ему. Такой предлог неоднократно становится лишь синтаксическим знаком отношения одного слова к другому. Происходит формализация предлога, он лексически опустошается. Таким синтаксическим знаком отношения становится, например, предлог *по* в конструкциях: *проект*

по созданию новой фирмы, инспектор по труду, планы по восстановлению дорог, центр по подготовке космонавтов, операция по освобождению заложников. Отмеченные словосочетания имеют функционально соотносительные с ними беспредложные конструкции в родительном падеже и в некоторых случаях могут употребляться параллельно. В данном случае предлог усложняет лишь структуру словосочетания. Благодаря лексическому значению существительных, образующих словосочетание, грамматическое значение, возникающее между компонентами, может осложняться разными оттенками значения. Так, в конструкциях типа *бригада по борьбе с похищениями людей, программа по стабилизации ситуации в регионе, отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, акция по защите прав женщин* ограничительные отношения осложняются целевым оттенком, благодаря семантическому значению существительных, образующих словосочетание. Им синонимичны конструкции с предлогами *для, с целью*. Неоднократно появление предлога дает единственную возможность осуществления синтаксической связи, так как опорный и зависимый компоненты непосредственно не сочетаются, ввиду отсутствия их семантической сочетаемости, напр.: *препараты по уходу за волосами*. Как отмечал еще Н.Н. Прокопович, конструкции с предлогом *по* характерны для субстантивных и адъективных словосочетаний и нетипичны для глагольных (Прокопович 1966, 283).

Остановимся вкратце на функционировании в словосочетаниях предлога *между*, который указывает на лиц, предметы, которые сравниваются, сопоставляются друг с другом, напр.: *разница между чеком и деньгами*. Активность данного предлога наблюдается в сочетании с опорными существительными, в значении которых уже содержится элемент симметрического отношения. Такое употребление предлога ведет к повторению части смысла, заключенного в главном слове. Предпочитается предложная конструкция вместо падежной, несмотря на избыточность предлога, который дублирует то, что уже выражено в семантике главного компонента. Например, в сочетаниях таких слов, как: *диалог, дуэль* с предлогом *между* имеется дублирование симметрического отношения двух субъектов, содержащегося уже в главном слове словосочетания и предлоге, напр.:

диалог между Европой и Белоруссией (25)¹⁰, *дуэль между Гаваной и Вашингтоном* (30). Опорные существительные предполагают наличие двух сопоставляемых явлений, предметов. Ведь существительное *диалог* – это ‘разговор между двумя лицами’, ср. также параллельную беспредложную форму: *диалог Европы и Белоруссии*; *дуэль* – это ‘поединок между двумя противниками’, т.е. предлог дублирует часть смысла существительного. Имеется также беспредложная форма – *дуэль Гаваны и Вашингтона*.

Такое же повторение смысла опорного слова и предлога находим и в словосочетаниях, в которых главный компонент называет спортивные соревнования, в которых участвуют две команды, напр.: *матч между «Спартак» и «Звездами России»* (23), *встреча между сборными Кубы и США* (30). Отмеченные словосочетания имеют параллельные конструкции без предлога, с зависимой формой родительного падежа, ср. *матч «Спартака» и «Звезд России»*, *встреча сборных Кубы и США*. Видимо, значение сопоставления, лежащее в основе слов *матч*, *встреча*, не выражено достаточно выразительно и подкрепляется предлогом, подчеркивая идею противопоставления. Включение предлога *между* потенциально возможно при всех словах, вступающих в отношения симметрии, напр.: *спор*, *ссора*, *схватка*, *стычка*, напр.: *территориальный спор Украины и Румынии – территориальный спор между Украиной и Румынией* (57), *ссора парня и девушки – ссора между парнем и девушкой* (23), *схватка робота и человека – схватка между роботом и человеком* (45), *стычка молодежи и сотрудников ОМОНа – стычка между молодежью и сотрудниками ОМОНа* (53).

Предлог может повторять не только часть смысла опорного слова, но и дублировать значение приставки опорного существительного (префиксального деривата). В таком случае наступает взаимодействие словообразовательного и синтаксического уровней языка. Повторение общего значения предлога и значения префикса имеется, например, в: *соотношение сил между партией власти и оппозицией* (43), *соотношение сил между США и Россией* (49), *взаиморасчеты между компаниями* (18) *взаиморасчеты между операторами связи*, *взаиморасчеты между клиентами* (50). Предлог *между* подкрепляет и усиливает значение приставки *со-* опорного *соотношения*, которая

¹⁰ В скобках указан номер источника. Список источников дается в конце работы.

указывает на взаимное отношение двух предметов. Подобно приставке *со-*, приставка *взаимо-* является достаточным средством передачи значения сопоставления, ср. *взаиморасчеты компаний*. Наличие предлога *между* имеет целью усилить значение, заключенное в опорном компоненте. В этом и заключается как бы недоверие говорящих к значению самих приставок.

Следовательно, процессы ослабления роли падежных конструкций связаны со стремлением к передаче более дифференцированным способом синтаксических значений. Причем предлог неоднократно повторяет часть смысла, заключенного в семантике опорного слова. Предложные конструкции, приходящие на смену падежным, облегчают нагруженность падежных значений, в частности полифункционального родительного падежа.

3.2. Дифференциация значения предлогов

Как отмечалось, в современном русском языке наблюдаются изменения в функционировании предлогов. Кроме непрерывного процесса формирования новых предлогов и предложных сочетаний, можно отметить расширение семантических групп существительных, с которыми эти предлоги вступают в синтаксическую связь. Вытеснение падежных конструкций предложными связано с противоположными тенденциями, с одной стороны, со стремлением к нивелировке лексического значения предлога, с другой – с семантической дифференцированностью, достигаемой предлогом. В последнем случае предлог вносит дополнительный смысл по сравнению со значением падежа. Выбор предлога мотивируется семантикой близкого по значению слова, отношениями мотивированности с другими словами. Такие изменения сочетаемости происходят в подавляющем большинстве в результате парадигматических ассоциаций в кругу одной лексико-семантической группы.

Как замечает М.Я. Гловинская, выбирается предлог, “который повторяет или эксплицирует, усиливает какой-то компонент смысла, содержащийся в значении слова, притом содержащийся в неявной, имплицитной форме” (Русский язык конца XX столетия 1996, 243). Значением предлога добавляется то, что словесно не выражено, но

содержится *implicite*. Выбирается предлог, повторяющий если не прямо, то опосредованно определенный компонент смысла опорного слова (Русский язык конца XX столетия 1996, 243).

Одним из активнейших на этом поле является предлог *на*, который обременен очень широким диапазоном грамматических значений. Способность сочетаться с винительным и предложным падежами дает широкие возможности выражения целого ряда значений. Семантическая дифференцированность предлога *на* наблюдается в словосочетаниях с опорными словами – существительными отвлеченной семантики. Такие словосочетания широко репрезентированы в языке общественно-политической прессы. Приведем несколько примеров: *курс на интеграцию* (3), *курс на привлечение иностранных капиталов* (30), *курс на демократические реформы* (32), *тактика на выживание* (18), *тактика на уклонение* (61), *политика на затягивание* (32). Предлог *на* вносит добавочное значение цели, предмета достижения, а главный компонент мыслится как устремленность, продвижение к цели (Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык 1997, 218). Вообще значение устремленности к цели характерно для предлога *на*. Как считает М.Я. Гловинская, имеем дело с некоторой метафорой главного существительного, приобретшего более усиленное значение действия, продвижения (Русский язык конца XX столетия 1997, 246). Несомненно, эти конструкции развиваются на базе конкретных пространственных значений, ср.: *курс на север*, *курс на Африку* и т.п. В слове *тактика* заложена также семантика продвижения, устремленности к цели, ср. *тактика* ‘совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели’ (БТСРЯ¹¹, 1304).

Такие же процессы проходят в конструкциях, в которых в качестве стержневого компонента выступают слова, которые могут актуализировать значение направленности: *линия*, *установка*, *шаги*, *ориентация*, напр.: *линия на увеличение доли денежных расчетов* (14), *линия на уважение* (32), *линия на снижение инфляции* (43), *установка на переговоры* (14), *установка на благополучие* (62), *установка на похудение* (48), *установка на успех* (15), *шаги на разрыв* (32), *ориентация на тарифы конкурентов* (22), *ориентации на реальный*

¹¹ БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург 1998.

сектор экономики (16), *ориентация на результат* (59). Предлог выражает целевые отношения, а семантический круг слов, способных выступать в главной позиции, ограничивается теми, у которых выявляется хотя бы намек мыслить их как целевое действие (см. также: Виноградов 1972, 246).

Актуализация значения продвижения к цели имеется у существительных: *война, игра, маневр*. Показательны в этом отношении газетные заголовки, напр.: *Война на истощение* (1); *Игра на раздевание* (23); *Игра на зрителя* (41); *Игра на затягивание* (63); *Маневр на окружение противника* (19). Конструкции с данным предлогом отмечаются в ежедневных объявлениях, в которых услуги касаются проведения магических обрядов: *обряд на удачу и бизнес* (39), *обряд на женскую привлекательность* (28), *обряд на замужество* (72), *обряд на деньги* (60), *обряд на возвращение любимого* (49), *оберег на бизнес* (60), *оберег на автомобиль* (73), *оберег на любовь* (63), *заговор на деньги* (69), *заговор на красоту и привлекательность* (62), *приворот на любовь* (6), *приворот на красоту* (12), *отворот на любовь* (55), *отворот на парня* (14). В таких конструкциях зависимая часть указывает на объект, являющийся целью определенных действий, названных опорным словом. Причем в функции главных слов могут выступать не только существительные со значением действия, но и наименования конкретных предметов, ср.: *талисман на успех* (40), *талисман на богатство* (72), *талисман на защиту от порчи и сглаза* (73), *амулет на любовь* (2), *амулет на карьеру* (46), *амулет на счастье* (13) и т.п.

Также в технической терминологии обнаруживаем словосочетания с предлогом *на*, выражающие значение продвижения к цели: *бурение (скважин) на воду* (40), *бурение на газ* (32), *бурение на нефть* (51). В функции опорных слов могут выступать существительные, в значении которых актуализируется компонент действия, устремленного к цели. Такой компонент легко выявляется на основе эквивалентных им полных словосочетаний, ср.: *бурение на нефть – бурение с целью найти нефть; бурение для того, чтобы найти нефть* (см. также Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык 1997, 219).

Активно с предлогом *на* сочетаются слова со значением юридических и экономических документов, напр.: *контракт на*

покупку гидросистем (9), контракт на использование удаленной связи (15), договоры на обустройство автомобильных дорог (8), договоры на регулярные отгрузки концентрата (8), соглашение на использование программы (54), соглашение на выполнение разовых работ (34), соглашение на постройку платных автомобильных дорог (60). Зависимыми являются существительные, в значении которых лежит идея осуществления конкретного действия. Однако в издательской практике такой компонент чаще всего подлежит компрессии (Горбачевич 1981, 167), напр.: *договор на книгу*. Эллипсис такого компонента все чаще фиксирует пресса: *договор на сайт (23), договор на тренинг (42), договор на евроремонт (7), фьючерсный контракт на медь (59), контракт на поединок (32), Контракт на любовь* (название кинокартины), или же модное сегодня – *контракт на роды (63)*. В синонимических конструкциях *договор о чем-л., соглашение о чем-л., контракт о чем-л.* передается делиберативное значение и чаще всего в функции зависимого выступает существительное со значением процесса и действия: *договор о ненападении, договор о торговле, договор о сотрудничестве, соглашение о нераскрытии конфиденциальной информации (60), соглашение о намерениях (33), соглашение о разделе имущества (12), контракт о реализации проекта (45), контракт о прокачке нефти (51), Кличко и Питер подписали контракт о бое (61)*. Однако в противовес модели с предложением *на*, модель с предложением *о* в меньшей степени допускает в функции зависимых компонентов существительные с предметным значением.

Предлог *на* активен в семантической группе ‘документы’ с частным значением – показатель норм, нормативный образец, напр.: *стандарты на продукты питания (8), стандарты на молоко и молочную продукцию (60), стандарты на обмен медицинскими электронными документами (15), норматив на получение бесплатной медицинской помощи (17), норматив на электроэнергию (32), норматив на льготное лекарственное обеспечение (63), норматив на температуру в помещении (40)*. Предлогом вводится значение предмета достижения. В роли зависимого слова употребляются как конкретные существительные, так и существительные со значением действия.

Существительные со значением ‘выражение стоимости товара, оплаты’ также прибегают к модели с предложением *на*, ср.: *цена, тариф,*

средства, ссуда: цены на энергоносители (1), цены на нефть (1), тарифы на коммунальные услуги (31), тарифы на отчисления (17), средства на рекламу (1), средства на реализацию «чиновничьих льгот» (1), ссуды на обзаведение трехэтажными виллами и навороченными джипами (8), ссуды на обучение (61). Субстантив *цена* в своем основном значении ‘денежное выражение стоимости товара’ сочетается с предлогом *на* и беспредложной формой существительного, ср. *цена нефти*. Употребление слова *цена* с зависимым субстантивом в беспредложной форме родительного падежа стало также приметой метафорического употребления, т.е. получает значение ‘то, чем окупается, возмещается что-л.’, напр.: *цена потерь, цена предательства*, а также значения ‘степень ценности, значимости кого-л., чего-л.’, напр.: *цена времени, цена любви, цена дружбы* (БТСРЯ, 1460). Как указывалось, существование параллельных конструкций может быть сигналом к разграничиванию двух разных значений существительного. В таком случае, за конструкцией с предлогом *на* закрепляется употребление слова *цена* в его прямом значении – ‘выражение стоимости товара’, зато при зависимой беспредложной форме слово *цена* употребляется в частности в переносном значении.

Активность предлога *на* регистрируем в компьютерной терминологии в сочетании с опорными субстантивами со значением лица. В частности отмечаем рост активности наименований лиц с указанием на тип компьютерного языка, программного обеспечения, которые входят в область знаний лица, названного стержневым компонентом, ср.: *программисты на Delphi (15), программисты на C++ (15), программист на PHP (15), работник на сайт по борьбе с детским порно (73), разработчик на PHP (69), разработчик на Java (72), разработчик на приложение (73).*

Данный предлог появляется также с другими наименованиями лиц, ср.: *лидеры на первые роли (26)*. Стержневое слово *лидер* употребляется в значении ‘глава, руководитель какого-л. коллектива’ (БТСРЯ, 496). Слово сочетание *лидер на первые роли* является плеоназмом, поскольку предложная форма дублирует значение опорного компонента. Ведь в значении слова *лидер* уже содержится сема ‘первый’. Подтверждением этого является отсутствие конструкции **лидер на вторые (третьи) роли*.

Дифференциация значения наблюдается также у предлога *от*. В образовании словосочетаний с предлогом *от* большую роль выполняет лексическое значение предлога, указывающее на значение 'источника того, что названо главенствующим субстантивом', например, *память от Kingston* (15), *перегородки от «Пласт-Парад»* (21), *сумка от «Шанель»* (31), *замки от «Винт-сервис»* (39), *золото от завода «Адамс»* (39), *линия от Версаче* (40), *Skoda от дилера* (19). В приведенных словосочетаниях лексическое значение предлога *от* играет существенную роль, поскольку вводит значение 'источника', которому принадлежит предмет, обозначаемый главным существительным. Конструкции, указывающие на источник происхождения товара применяются в текстах для демонстрации происхождения объекта (товара), подразумевая в некоторой степени престижность источника (компании, производителя). Между обоими формами – предложной и беспредложной – имеется разница грамматических отношений, так как беспредложная модель выражает недифференцированное значение принадлежности: *Skoda дилера, сумка «Шанель», память Kingston, линия Версаче*.

Дифференциация значения предлога выявляется в конструкциях с предлогом *к*, в которых данный элемент несет значение основания действия (состояния). Например, существительное *повод* употребляется параллельно то с зависимым родительным падежом (*повод разговора, повод отсутствия*), то сочетается с предлогом *для* (*повод для ссоры, повод для претензий*), в котором предложная форма выражает основание действия (состояния). Однако отмеченное существительное стало сочетаться также с предлогом *к* с тем же значением: *повод к началу кадровых перестановок* (31), *повод к подобным действиям* (18), *повод к аварии* (41), *повод к увольнению* (58).

Интересно проследить модель с главным словом *письмо*. Еще в XIX веке наблюдалось употребление зависимой предложной формы у слова *письмо*¹². В XX веке нормой стала беспредложная форма, напр.: *письмо брату*. Конструкция с предлогом *к* считается устаревшей (Флекенштейн 1970, 81), (Горбачевич 1981, 178), (Ицкович 1982, 96). И.Б. Голуб и Д.Э. Розенталь в книге *Книга о хорошей речи* обосно-

¹² В литературных произведениях также фиксируется употребление слова *письмо* с предлогом *к*, ср., например, заглавия стихотворений: *Письмо к женщине* (С. Есенин), *Письмо к Лиде* (А.С. Пушкин).

вызывают употребление предложной формы у некоторых существительных, в которых могла бы наблюдаться двужначность, ср. двоякий смысл словосочетания *письмо матери*: 1) письмо, написанное матерью, 2) письмо, адресованное матери (Голуб, Розенталь 1997, 153). Несмотря на колебания в дистрибуции, мы должны отметить, что в современной публицистике фиксируется также предложное употребление существительного, напр.: *письмо к девушке* (7), *письмо к Страхову* (3), *письмо к женщине* (8). Однако употребление предлога *к* со словом *письмо* характерно для разговорной речи. В предложной модели значение адресата подкрепляется формальным элементом – предлогом, который выражает направленность предмета к адресату. Предложная форма фиксируется также в БТСРЯ, ср. *письмо к товарищу* (БТСРЯ, 407). В таком случае значение адресата, выражаемое зависимой формой дательного падежа, эксплицируется и предлогом.

Образования с предлогом *в* представляют собой менее разнообразную группу. Словосочетания с данным предлогом формируются, главным образом, на основе беспредложных субстантивных словосочетаний с зависимым родительным падежом. Как указывалось выше, тенденция к замене беспредложного родительного предложным падежом является одним из ведущих процессов перегруппировки значений падежей. Общее значение отношения, ввиду своей полифункциональности, было неспособным передавать более дифференцированные значения. Такое уточнение, как правило, достигается предлогом. Проиллюстрируем словосочетания с главным словом – существительным с отвлеченным значением: *недостаток в клиентах* (18), *недостаток в хот-догах* (2), *прорывы в переговорах* (10), *прорывы в политике* (63), *прорыв в энергетике* (73), *неточность в документации* (15), *неточность в списке погибших* (11). Предложные конструкции конкурируют с беспредложными, напр.: *недостаток клиентов*, *недостаток хот-догов*, *неточность документации*, *прорывы переговоров* и др. Появление предлога вызвано, отмечаемой уже тенденцией к замене функционально нагруженного родительного предложной конструкцией. В приведенных словосочетаниях предлог *в* указывает на область проявления признака, свойства, состояния. В данном случае имеется замена объектного значения у предложной формы объектно-локальным. Зависимая предложная форма вносит большую семантическую определенность.

Такую же замену объектных значений объектно-локальными наблюдаем в словосочетаниях с главными словами *стратегия, курс, сдвиг*. Приведем примеры: *стратегия в планировании* (3), *стратегия в тестировании* (45), *курс в экономике и политике* (31), *курс в мировой океан* (63), *сдвиг в «экономическом мышлении»* (1), *сдвиг в шкале нравственных ценностей* (52). Отмеченные словосочетания имеют соотносительные с ними беспредложные конструкции, напр.: *стратегия планирования, курс экономики, сдвиг «экономического мышления»* и др.

Приведем другие иллюстрации появления предлога на месте беспредложных конструкций: *необходимость в увеличении процентных ставок* (16), *необходимость в штрафах* (51), *неправомерность в проведении реформ* (18), *оперативность в проведении сложных прокладочных работ* (21), *оперативность в достижении целей* (59), *трудности в достижении соглашения* (3), *трудности в изучении мотивации* (72). Опорные слова относятся к тем отвлеченным существительным, которые распространялись родительным беспредложным, ср. *необходимость увеличения процентных ставок, оперативность проведения сложных прокладочных работ* и др. Предложная конструкция, тем не менее, оказывается более дифференцированной по сравнению с падежной формой за счет указания на локальное значение.

Проследим словосочетания с опорным существительным *доступ*, напр.: *доступ в базы данных* (15), *доступ в Internet* (15), *доступ в российский газопровод* (73); или *Доступ в леса Подмосковья закроют из-за пожаров* (67). Существительное *доступ* имеет несколько значений. В приведенных выше словосочетаниях оно выражает ‘впуск, посещение с какой-н. целью’, т.е. возможность пользоваться чем-н., находиться где-н. Существительное *доступ* распространяется также предлогом *к*. В таком сочетании подчиненная часть несет значение направленности куда-н., ср.: *доступ к библиотеке, доступ к вокзалу*, т.е. возможность пройти к определенному объекту. Кроме того, в современной прессе отмечается также употребление данной модели для выражения значения ‘возможности пользоваться чем-л.’, напр.: *несанкционированный доступ к информации, доступ к Федеральным базам данных, доступ к безопасным и доступным по стоимости лекарствам*. В таком случае обе модели становятся синонимическими.

Рассмотрим еще ряд словосочетаний с отглагольными существительными в функции опорного слова: *поддержка в клиентовской части* (15), *изменения в политике* (42), *изменения в законодательстве* (1), *нарушения в организации конкурса* (27), *нарушения в использовании денег* (3), *ограничения в общественной и культурной жизни* (42), *ограничение в правах* (30), *ограничения в публичном секторе* (61). Первое из словосочетаний имеет функционально соотносительную беспредложную конструкцию *поддержка клиентовской части*. В данном случае введение предлога приводит к устранению неточности и двусмысленности, так как беспредложная модель допускает интерпретацию то объектных, то субъектных отношений. Не исключено, что предложная конструкция могла появиться в результате сближения с моделью *помощь в чем-л.* Словосочетания с опорным словом *изменения* имеют синонимичные конструкции с родительным падежом, т.е. *изменения политики, изменения организации дорожного движения, изменения законодательства*. В этих конструкциях наблюдаем замену значения объекта, репрезентированного падежной формой, объектно-локальным – модель с предлогом *в*. Введение предлога часто расширяет семантику опорного слова, т.е. главный компонент в словосочетаниях *изменения в политике, изменения в законодательстве* понимается как „поправки, исправления”, а не в собственно процессуальном значении. Ту же самую замену объектного значения у падежной формы объектно-локальным находим в остальных словосочетаниях. Существительное *нарушения* употребляется в сочетании с предлогом *в* обычно во мн.ч., а главный компонент несет семантику ‘изменения, неполадки в чем-л., мешающие их нормальному функционированию’. Появление предлога *в* при слове *ограничения*, видимо, не расширяет семантику опорного слова, о чем свидетельствуют экземплификации как предложного, так и беспредложного употребления. Ср. пример беспредложного употребления существительного *ограничение: ограничение прав иностранных граждан* (3), *ограничения прав и свобод* (7), *ограничение движения* (59). В данном случае наблюдаем подобного типа замену объектного значения у падежной формы объектно-локальным сочетанием.

Довольно репрезентативной в данной части анализа является группа стержневых субстантивов ‘названия лиц’. Настоящая группа в частности объединяет названия лиц по профессии, выполняемой

функции, занятию, квалификации и т.д., напр.: *лидер в производстве кабельной продукции* (15), *новый лидер в мире процессоров* (62), *лидер в бизнесе* (43), *менеджер в туризме* (41), *менеджер в гостиничном хозяйстве* (7), *менеджер в автомобильном представительстве* (63), *специалист в гражданском процессе* (21), *специалист в управлении электроэнергией* (21), *специалист в тканевой инженерии* (51), *специалист в защите древесины* (6), *эксперт в кабельных системах* (73), *эксперт в игорном бизнесе* (60). Предлог не вносит никаких новых значений по сравнению с беспредложной родительной формой, однако предложная форма появляется чаще. В данных конструкциях предлог *в* несет ограничительное значение сферы, области действия лица, названного опорным компонентом, однако по активности он уступает предлогу *по*, с которым вступает в синонимические отношения, напр.: *эксперт по недвижимости* (см. пункт 3.3.).

Внимания заслуживает также предлог *для*, активность которого в субстантивных словосочетаниях связана с его большой лексической выразительностью и специализированным диапазоном обозначаемых грамматических значений. В субстантивных словосочетаниях данный предлог чаще всего служит формальным средством передачи значений предназначения (*деньги для пенсионеров, места для инвалидов*), назначения (*приборы для анализа, бумага для компьютера*), целевых и причинных (*шутка для смеху, работа для денег*).

Появление предлога *для* расширяется, с одной стороны, в результате экстралингвистических факторов, с другой – внутриязыковых причин. К первому отнесем непрерывный рост появления новых предметов, явлений, окружающей нас действительности и тенденции к четкому и выразительному определению их взаимосвязей с другими объектами действительности. К внутриязыковым причинам активности этого предлога можем отнести, упоминаемое неоднократно, стремление к ослаблению синтаксических связей, т.е. замену падежного управления конструкциями более свободного характера, выражаемыми предложными сочетаниями.

Практически любое существительное может определяться зависимой словоформой с предлогом *для* при выражении отношений предназначения. Непрерывный социально-технический прогресс общества, в частности с 80-90 гг. XX в., способствует образованию таких конструкций. Появляющиеся новые объекты и предметы требуют

все более точного определения их функции. Кроме того, многие из существующих объектов нуждаются в уточнении, точном указании их назначения. Поэтому значительную часть материала образуют группы существительных (в роли опорного слова), называющие конкретные предметы, напр.: *аппарат для проекта «Вега», станция для Фобоса*, (38), *антенна для прямой связи с Землей, аппарат для определения силы тяжести* (38), *прессы для облицовывания мебельных щитов и дверных полотен* (38), *бумага для факсов* (43), *велосипед для тренировки* (27), *установки для лечения профильных заболеваний* (41). На этом фоне в частности активны словосочетания, относящиеся к косметической и медицинской терминологии, которые связаны с уходом за здоровьем и телом человека. Приведем примеры: *гель для волос, краски для волос, кремы для лица, карандаш для глаз, гель для тела, чай для похудения, ванны для электропроцедур, аппаратура для ультразвукового лечения, камера для туберкулезников* и т.п. Отмеченные конструкции не имеют функциональных с ними других разноструктурных словосочетаний. Непрерывный рост конструкций с предлогом *для* показывает необходимость формирования этого типа словосочетаний.

Другую группу словосочетаний составляют опорные существительные с отвлеченным значением состояния, качества, содержания речи и мысли. Приведем словосочетания с главными словами *причина, повод, основание*: *причина для «разборок»* (14), *причина для международного скандала* (3), *причина для ненависти* (6), *повод для развода* (20), *повод для обвального перевода на региональный баланс объектов социальной инфраструктуры* (31), *повод для судебного разбирательства* (14). Опорные слова группируются вокруг одного семантического поля ‘причины, основания чего-л.’ и в таком значении они сочетаются с предлогом *для*, указывая на основание какого-л. действия, поведения, процесса. Слова *причина, повод* реализуют параллельно свои сочетательные возможности также с помощью беспредложной формы родительного падежа, ср. *причина ссоры, повод развода*.

Появление предлога *для* обуславливается тенденцией к большей выразительности переносимого смысла в конструкциях со стержневыми компонентами *путь, усилия, операция, меры*: *путь для дальнейшего развития* (10), *путь для ратификации договора* (63), *усилия для стабилизации обстановки* (43), *усилия для возвращения диалога* (9),

усилия для решения приоритетных задач (61), операция для стерилизации кошки (24), операция для удаления гнойника (72), меры для обеспечения завоза продукции и товаров в северные районы (3), меры для «разрядки» транспортной ситуации (51). В этих словосочетаниях предлог несет целевое значение, указывая на цель принимаемых средств или мер. Большинству приведенных конструкций синонимичны словосочетания с предлогом *к* и *по*, напр.: *меры к (по) восстановлению завода, усилия к (по) решению приоритетных задач, операция по стерилизации кошки* и др.

Параллельное употребление зависимой части с предлогом *для* и беспредложной отмечаем в конструкциях: *ущерб для качества (8)* (ср. *ущерб качеству*), *программы для вывода предприятия из кризисного состояния (8)* (ср. *программы вывода предприятия из кризисного состояния*). Такая тенденция связана, как указывалось выше, с большей выразительностью предложных конструкций и тенденцией подчеркнуть определенную часть значения, т.е. значение цели, выражаемое предложной словоформой.

В заключение подведем итоги анализа. Наличие предлога в субстантивных словосочетаниях обогащает грамматические значения, вносит дополнительный смысл в значение конструкции. Предложные конструкции устраняют неточность и двусмысленность, наблюдаемую в конструкциях с подчиненной формой родительного падежа. Форма родительного падежа становится менее привлекательной, ввиду ее функциональной загруженности. Внесение предлога дифференцирует грамматические значения. Предлог повторяет определенную часть смысла, заключенного в значении главного компонента. Его появление нередко сопровождается изменениями семантического характера опорного слова, что влечет за собой расширение или актуализацию значения. Такие конструкции рождаются, в частности, в разговорном языке, затем переходят в язык газеты.

3.3. Нивелировка значения предлогов

В русском языке появляются конструкции, в которых предлог не дифференцирует значение словосочетания. Данная тенденция, противоположная описанной выше, проявляется в ослаблении лексического

значения предлога. На фоне всех предлогов, в частности, заметна нивелировка семантики предлога *по*. Такая тенденция проявлялась еще в XIX веке, расширялась в половине XX века, но, тем не менее, в конце XX – начале XXI столетия конструкции с этим предлогом не ослабевают. По замечанию М.Я. Гловинской, функция этого предлога заключается в простой прокладке внутри падежных сочетаний, где предлог становится синтаксическим знаком связи двух слов (Русский язык конца XX столетия 1996, 247). Подавляющее большинство конструкций приходится именно на предлог *по*. Возможность этого предлога сочетаться с тремя падежами дает широкие возможности для выражения целого круга смысловых отношений. На основе первичных (конкретных) локальных и темпоральных значений развивается целый ряд вторичных, более отвлеченных (дистрибутивные, каузальные, ограничительные значения).

Появление «предлога-агрессора» *по* иногда вызывает возражения относительно правильности его употребления с существительными определенных семантических групп¹³. Некоторые языковеды относят часть активизирующихся словосочетаний с предлогом *по* к ненормативным¹⁴. Однако, как констатирует Н.Ю. Шведова, критерием правильности для новообразований является их массовое и регулярное воспроизведение в речи (Шведова 1966, 34). Главной причиной экспансии этого предлога, по Н.Ю. Шведовой, является “с одной стороны, – общее развитие предложных словосочетаний за счет беспредложных, с другой стороны, – широта и недифференцированность заложенного в построениях с *по* общего значения касательства, направленности, позволяющего использовать их в самых разнообразных случаях выражения определительности, без каких-либо внутренних, идущих от самой конструкции ограничений” (Шведова 1966, 40). Следовательно, предлог *по* становится синтаксическим знаком подчиненности одного слова другому. Такая ситуация часто приводит к появлению вариативных конструкций. В связи с этим

¹³ Предлог-агрессор – определение К.С. Горбачевича, см. К.С. Горбачевич, *Нормы современного русского литературного языка*, Москва 1981, с. 199.

¹⁴ Ряд пособий по нормативной речи не признает правильными некоторые конструкции с предлогом *по*. Об этом, см.: В.Н. Вакуров, Л.И. Рахманова, И.В. Толстой, Н.И. Формановская, *Трудности русского языка, Словарь-справочник*, ч. I, Москва 1993; И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь, *Книга о хорошей речи*, Москва 1997; В.А. Ицкович, *Конструкции с предлогом по*. В: *Грамматика и норма*, Москва 1977; Д.Э. Розенталь, *Культура речи*, Москва 1964; В.А. Ицкович, *Очерки синтаксической нормы*, Москва 1982.

в конструкциях с данным предлогом наблюдается обобщение функции предлога и, как полагает М.Я. Гловинская, “нивелировка лексического значения предлога и употребление его (предлога) в качестве как бы простой прокладки внутри падежных сочетаний, в качестве знака синтаксической связи двух слов” (Русский язык конца XX столетия 1996, 247). Экспансия этого предлога в значительно большей степени заметна у субстантивных словосочетаний, а реже предлог *по* употребляется в глагольных и адъективных словосочетаниях. Высокая активность предлога привела к конкуренции и вытеснению на этом месте таких предлогов, как *для*, *на*, *о*. Кроме того, как отмечалось, модель с *по* появляется на месте многих беспредложных форм. На его активизацию обратил внимание также В. Шапошников, подчеркивая его активность прежде всего в правительственной фразеологии (Шапошников 1998, 78). По словам В. Шапошникова, в конструкции с данным предлогом наступает “своеобразное слияние значений цели, принадлежности и специализации” (Шапошников 1998, 78).

Для большей наглядности семантического круга существительных, сочетающихся с данным предлогом, анализ фактического материала проводится по семантике опорных компонентов: 1) названия лиц; 2) названия продуктов интеллектуальной деятельности; 3) названия учреждений, организаций, предприятий; 4) названия мероприятий; 5) названия конкретных предметов; 6) отвлеченные названия (наименования действий, процессов, состояний).

В современном русском языке широко репрезентированы словосочетания с предлогом *по* и стержневым словом ‘название лица’. К ним относятся наименования лиц во взаимоотношении с другими лицами. В конструкциях этого типа между компонентами устанавливается значение отвлеченного касательства. Приведем несколько примеров: *партнеры по теннису*, *партнеры по программе автокредитования* (63), *партнеры по торговле и идеологии* (2), *друзья по революционному прошлому* (3), *друзья по переписке на английском языке* (72), *компаньоны по пробегу* (12), *компаньоны по экономическому удушению* (73), *братья по оружию* (1), *братья по несчастью* (48), *коллеги по бизнесу* (8), *товарищи по оружию* (14). Зависимые компоненты относятся, главным образом, к существительным со значением ‘рода деятельности, указывающего на тип сходства, деятельности’.

Зависимая предложно-падежная форма может нести значение ‘принадлежности к какой-л. организации, общности по взглядам, мыслям, идеологии, сотрудничеству’. Ср. примеры: *союзники по блоку* (28), *соратниками по Народному фронту* (17), *коллеги по студсовету* (63), *партнер по международному Проекту развития финансовых учреждений* (16), *товарищи по Политбюро* (1), *коллеги по правительству* (2)¹⁵. Зависимая форма имени может указывать также на территориальную близость лица (лиц), названных стречневым словом. В таком случае грамматические отношения осложняются локальными оттенками, напр.: *соседка по дому* (20), *сосед по купе* (13), *коллега по работе* (36), *друг по студенческой скамье* (19), *сосед по комнате* (12), *соседи по Ледовитому океану* (5), *соседи по бывшему Союзу* (1).

Активность предлога наблюдается в подгруппе со значением ‘лица по профессии, должности, занимаемому посту’. Толчком к появлению этого типа конструкций является, между прочим, общественно-технический прогресс, что влечет за собой возникновение, уточнение и специализацию многих наименований профессий и родов деятельности. Можно полагать, что именно наличие данного предлога позволяет во многих случаях осуществлять связь, а модель становится универсальным инструментом формирования все новых наименований, напр.: *дизайнер по мебели* (20), *дизайнер по интерьеру* (2), *дизайнер по шторам* (61), *дизайнер по моделированию искусственных ногтей* (24), *инструктор по дороге* (17), *инструктор по вождению автомобиля* (63), *консультанты по цвету и стилю* (17), *консультанты по торговой недвижимости* (73), *консультанты по грудному вскармливанию* (25), *художник по костюмам* (31), *художник по моделированию одежды* (60), *представители по сбыту продукции* (12), *представитель по порфюмерной косметике* (8).

В современном русском языке количество таких словосочетаний непрерывно растет и непосредственно связано с детализацией и появлением все новых видов человеческой активности и деятельности. Одновременно наблюдаются интересные случаи замены старых

¹⁵ Следует отметить факт, что конструкции типа *коллега по профессии*, *коллега по работе*, *коллега по специальности* в некоторой степени тавтологичны. Слово *коллега* имеет значение ‘товарищ по работе, по профессии, по совместной учебе’, в слове указывается уже на то, что это лицо той же профессии; см. также: *Трудности русского языка...*, указ. раб., с. 193.

названий профессий новыми, которые используют модель с предлогом *по*. Так, человек, занимающийся ковкой, т.е. *кузнец*, переименовался в *художника по металлу*, который занимается изготовлением декоративных кованых изделий, а *стекольщики* все чаще именуется *художниками по стеклу* (62), ср. также *художник по камню* (1). Такой процесс обуславливается тенденцией к повышению престижности таких профессий и некоторому сдвигу выполняемой деятельности в сторону художественной деятельности, которая реализуется именно моделью с данным предлогом.

Стоит отметить, что постоянная детализация профессий и родов деятельности приводит к некоторому опустошению семантического наполнения таких слов как, например: *консультант*, *представитель* и т.п., ввиду передаваемого ими лишь общего значения деятельности и профессии, т.е. *консультант* 'тот, кто консультирует что-либо', *представитель* 'тот, кто представляет что-либо'. Такие существительные осложняются предложными формами, специализирующимися в передаче частного, более дифференцированного значения предмета деятельности.

Подобного семантического окружения требуют и другие общие названия профессий или родов деятельности. С точки зрения высказывания уже неполноценно абсолютное употребление слов: *специалист*, *менеджер*, *агент*, *эксперт*, *аналитик*. Необходимо уточнить область выполняемой деятельности, что реализуется за счет предложного сочетания, ср.: *специалист по истории России*, *специалист по бэк-офису*, *специалист по скупке акций*, *специалист по организации шоу*, *специалист по аппаратному и программному обеспечению*, *специалист по русской преступности*, *менеджер по продаже продуктов питания*, *менеджер по рекламе и маркетингу*, *менеджер по продукции*, *менеджер по Центральной и Восточной Европе*, *менеджер по туризму*, *агент по сбыту энергии*, *агент по закупкам*, *агенты по продаже перевозок*, *агенты по недвижимости*, *агент по продаже авиабилетов*, *эксперт по кредитованию*, *эксперт по ядерному оружию*, *эксперт по ногтевой эстетике*, *эксперт по теракту*, *аналитик по корпоративным ценным бумагам*, *аналитик по планированию и прогнозированию продаж*, *аналитик по исследованию товарного рынка*, *аналитик по ИТ-операциям* и др.

Чрезвычайная открытость русского языка на новые заимствования приводит к параллельному функционированию построенных на почве русского языка конструкций типа *менеджер по рискам* и конструкций, являющихся иноязычными кальками английских терминов – *риск-менеджер* от англ. *risk manager*.

Следующий подкласс образуют опорные компоненты со значением ‘название лица по занимаемой должности, посту’, напр.: *зампред по делам содружества* (4), *секретарь ЦК КПА по международным отношениям* (26), *секретарь по финансовым вопросам администрации* (62), *уполномоченный по правам человека* (31), *уполномоченный по делам национальных меньшинств* (5), *кооператор по производству джинсов* (27), *советник по печати* (8), *координатор по республике Адыгея* (28), *координатор по логистике* (72), *координатор по развитию бизнеса* (43), *координатор по международным перевозкам* (55). Базой появления таких предложных словосочетаний стали словосочетания с зависимым существительным в форме родительного падежа, напр.: *координатор республики Адыгея – координатор по республике Адыгея*, *кооператор производства джинсов – кооператор по производству джинсов* и др. Некоторые предложные словосочетания образовались также на основе соотносительных с ними функционально однородных разноструктурных словосочетаний с отсубстантивным прилагательным, напр.: *мебельный дизайнер – дизайнер по мебели*, *дорожный инструктор – инструктор по дороге*.

Появляются также конструкции, которые не имеют функционально-смысловой соотносительности с другими словосочетаниями. Они возникли в результате необходимости назвать новые факты окружающей действительности, напр.: *помощник по авиационным и космическим вопросам*, *специалист по электронной технике*, *начальник по охране растительного и животного мира*, *помощник по вопросам военно-технического сотрудничества*, *консультант по гостиничному бизнесу*, *специалисты по Windows* и мн. др. Появление штамповой модели *название лица по чему-л.* стало широко распространенным средством образования конструкций со значением лица по роду деятельности. Универсальность модели заключается в возможности введения практически неограниченного круга понятий при существительных со значением лиц, у которых предложная форма указывает на тип, объем или сферу деятельности лица.

В группе стержневых слов имеются также существительные со значением ‘название лица по месту жительства’, напр.: *жители по улице Шверника* (23), *жители домов по улице Циолковского* (53). Модель этого типа появилась сравнительно недавно. До сих пор широкоупотребительными были беспредложные конструкции (напр. *жители улицы Косыгина*). В таком случае предложно-падежная модель абстрактно выражает локальное касательство двух объектов.

С предлогом *по* часто вступает в связь лексико-семантическая группа со значением ‘продукт интеллектуальной деятельности’. В частности, имеются в виду названия источников информации, мероприятий: *программа, проект, план, материалы, документы, данные* и др. Ср. примеры: *программы по стабилизации ситуации в регионе* (8), *программы по финансовому анализу* (43), *государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению* (73), *программы по реструктуризации* (3), *проект по созданию летающей лаборатории* (14), *проект по контролю СПИД* (63), *проект по выводу на орбиту станции «Альфа»* (16), *документы по Катыни* (7), *документы по охране труда* (5), *документы по правм женщин* (74), *планы по утилизации* (14), *планы по восстановлению дорог, мостов, жилых домов* (2), *данные по Москве* (1), *базы данных по природным ресурсам* (9), *материалы по ассоциации* (3), *материалы по образованию* (31), *материалы по маркетингу* (21). В таких конструкциях предлог становится лишь формальным знаком подчинения и выражает значение отвлеченного касательства. Некоторые из примеров имеют соотносительные с ними в функциональном плане конструкции с зависимой формой родительного падежа. Это касается таких компонентов, как: *программа, проект, план*, ср.: *программа стабилизации, проект создания парка, план постройки жилого дома*.

В период больших политических и хозяйственных перемен слова со значением официальных государственных документов и документов делового характера естественно широко репрезентированы в языке публицистики, напр.: *законодательство по защите авторских прав* (15), *указ по железной дороге* (17), *законодательство по охране здоровья граждан* (3), *законодательство по безопасной работе на компьютере* (73), *соглашения по поставкам сахара* (2), *соглашение по нефтепроводу Самсун-Джейхан* (60), *соглашения по созданию ЕЭП*

(63), *международные соглашения по признанию документов об образовании* (63), *контракт по поставке продуктов и возврату средств* (31), *контракт по найму и оплате труда директора* (68), *контракт по совместной разработке истребителя пятого поколения* (63), *контракты по поставкам различных видов вооружений* (2), *договоры по вопросам налогообложения* (18). Предлог *по* указывает на общее значение касательства и является, подобно предыдущим группам, лишь формальным показателем связи. Следует отметить, что данный предлог успешно конкурирует с предлогом *о*, который в сочетании с существительными со значением ‘документа’ выражает делиберативное значение, ср. *соглашение о нераспространении ядерного оружия, соглашение о поставках картофеля, соглашение о совместной работе, указ о железной дороге, законодательство о защите авторских прав*. Предлог *по* конкурирует также с предлогом *на*, ср.: *договор на регулярные отгрузки концентрата, договор на обустройство автомобильных дорог, контракт на покупку гидросистем*. Однако, в отличие от предлога *по*, предлог *на* вводит в словосочетание значение предмета достижения, целенаправленности действия. Как замечает В. Н. Шапошников, некоторые замены предлогов “ведут к частичной подмене или ослаблению смысла” (Шапошников 1998, 79). В приведенных выше примерах с предлогом *о* наблюдается подмена делиберативных значений абстрактным значением касательства.

Абстрактное значение касательства не позволяет в некоторых случаях определить полный смысл словосочетания. Как правило, словосочетание функционирует в определенном контексте. Окружающий контекст статьи, в которой этот текст функционирует, позволяет уловить значение конструкции и лишь на его основе. Так, например, в предложении *Россия и ЮАР подписали контракт по урану* (64). Без более широкого контекста неизвестно, касается ли контракт покупки или продажи? Дальнейший текст разъясняет смысл: *Россия будет поставлять в ЮАР уран*. Такие семантически неконкретизированные словосочетания очень часто даются в заголовках, а их смысл эксплицируется уже в содержании статьи.

В экспансии сочетаний с предлогом *по*, возникающих на основе конструкций с родительным падежом, имеется некоторая закономерность. На месте зависимого родительного может появиться форма с предлогом *по*, если опорное существительное называет целе-

направленное действие или его продукт, результат (Русский язык конца XX столетия 1996, 250). Возьмем, пример из книги *Русский язык конца XX столетия* (с. 250) – *закон земельного пользования*. В словосочетании возможна замена родительного падежа сочетанием с предлогом *по* – *закон по земельному пользованию*, так как опорный компонент называет информационный объект, являющийся результатом человеческой деятельности. Однако, например, у словосочетаний типа *законы геометрии*, *закон всемирного тяготения* нет соответствующих предложных сочетаний, и поскольку опорные слова в них функционируют в значении ‘объективно существующих связей между предметами, явлениями природы’, то они выражают устойчивые отношения между явлениями окружающей нас действительности. Ср. неправильность конструкций: **закон по геометрии*, **закон по всемирному тяготению*.

Широко употребительными в русском языке являются образования с опорными существительными со значением ‘книжных изданий’ с зависимой предложной формой, напр.: *учебник по истории* (1), *учебник по оптимизации* (69), *трилогия по «Идиоту»* (3), *книга по шпионским делам* (5), *книга по ремонту автомобилей* (50), *белая книга по нанотехнологиям* (73), *энциклопедии по современному искусству* (5), *Российская энциклопедия по охране труда* (71), *мультимедийные энциклопедии по строительству* (61), *справочник по всем предметам* (7), *справочник по недвижимости* (20), *справочник по туризму и отдыху* (59), *инструкции по применению закона* (30), *инструкция по эксплуатации бытовой техники* (2), *инструкции по заправке картриджей для принтеров* (73). Некоторые из отмеченных выше словосочетаний с предлогом *по* имеют функционально соотносительные с ними словосочетания с предлогом *о*, напр.: *книга о шпионских делах*, *справочник о всех предметах*, *инструкции о применении закона*, *энциклопедия о современном искусстве* и др. Зависимая часть с предлогом *по* вносит ограничительное значение, сужая распространение предмета на определенную область знаний или его содержание. Большинство словосочетаний имеет также функционально эквивалентные им словосочетания с беспредложным родительным. В результате существования параллельных словосочетаний обогащается и синонимика выражения сходных по значению конструкций. Образуются синонимические ряды, напр.:

энциклопедия современного искусства – энциклопедия о современном искусстве – энциклопедия по современному искусству, инструкция о банковских переводах – инструкция по банковским переводам, справочник недвижимости – справочник по недвижимости и т.п.

Чистой прокладкой между словами является также предлог *по* в словосочетаниях, в которых главный член выражен существительным со значением ‘источника информации, сведения о чем-либо’. Интересно, что при выражении предмета информации данный предлог стал вытеснять предлог *о*, который обычно стоит рядом со словами данной семантической группы. Приведем экземплификации: *информации по финансовому рынку* (8), *информация по налоговой задолженности* (58), *информация по взаимным вложениям* (15), *справка по реставрации* (21), *справка по дополнительным услугам* (41), *объявления по компьютерной тематике* (15), *объявления по недвижимости* (74), *объявления по аренде квартир* (10).

Значительную лексико-семантическую группу, сочетающуюся с предлогом *по*, образуют существительные со значением ‘учреждение, организация, завод, предприятие’. Предлог в таких моделях, подобно предыдущим группам, несет ограничительное значение, указывая на ‘область деятельности, сферу назначения’. На газетных полосах особенно часто регистрируются конструкции со стержневыми словами: *отдел, комитет, комиссия*, что является отражением усложнения и специализации общественно-политических отношений: *отдел МУРа по борьбе с незаконным оборотом наркотиков* (19), *отдел по заграничным связям и информации* (20), *госкомитет по чрезвычайным ситуациям Казахстана* (2), *комитет по борьбе с коррупцией* (71), *комитет по печати* (13), *комиссия по рынку ценных бумаг* (16), *комиссия по вопросам семьи, детей и молодежи* (70). При этом в качестве зависимых компонентов употребляются существительные как отвлеченной, так и конкретной семантики. Конструкция *отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков*, кроме ограничительных отношений, выражает оттенок назначения. Такой оттенок возникает в случае, когда в качестве зависимой формы выступают слова со значением целеустремленного действия (*борьба, расследование*). Существительное *отдел*, как свидетельствует материал, все реже определяется беспредложной формой, характерной для официальных штампов: *отдел организационной работы, социальной защиты*

и кадрового обеспечения (19), отдел кадров (1), отдел религиозного образования и катехизации (69), отдел народного образования (34), отдел содействия торговле и инвестициям (74).

В качестве опорных компонентов широко выступают также существительные *совет, организация, центр, управление*. Например: *центральный совет по туризму и экскурсиям* (11), *Совет безопасности России по кавказскому вопросу* (23), *организация по транспортировке газа* (3), *организация по защите прав потребителей* (8), *Центр по изучению проблем войны, мира и средств массовой информации* (3), *центры по исследованиям и разработкам* (15), *управление по борьбе с терроризмом* (18), *управление по культуре и туризму* (54), *управление по поддержке миростроительства* (72). Некоторые из отмеченных конструкций отличаются большой семантической нагрузкой, например, за словосочетанием *Совет безопасности России по кавказскому вопросу* стоит целая ситуация, которую можно представить: *Совет безопасности России по урегулированию конфликтов на Кавказе*. Полный смысл конструкции выводится лишь на основании окружающего контекста, в котором функционирует словосочетание. Модель с предлогом *по* и опорным субстантивом *центр* имеет также синонимическую конструкцию, которая сохранилась в официальной речи и имеет устойчивый характер, напр.: *Учебный центр подготовки предпринимателей* (19), *Центр подготовки космонавтов* (34), *Центр управления полетами* (34).

На нынешнем этапе развития языка наблюдается конкуренция предложной и беспредложной формы с опорным словом *управление*. Существительное *управление* в значении ‘административное учреждение, подразделение какого-л. учреждения’ почти исключительно сочетается с предлогом *по*. Беспредложную форму можно отметить в официальных названиях высших органов, напр.: *Управление делами Президента РФ, Главное управление воспитательной работы, Управление Генпрокуратуры РФ*. С другой стороны, здесь трудно установить жесткие закономерности и рамки дистрибуции этих двух моделей, поскольку не всегда прослеживается последовательность в их употреблении.

Рассматриваемый предлог *по* активно сочетается с опорными словами, называющими ‘организации, предприятия, заводы, объединения заводов’, например: *предприятия по добыче алмазов* (31), *пред-*

приятия по вывозу мусора (42), предприятия по разведке нефти (16), завод по обработке цветных металлов (21), завод по ремонту электротехнического оборудования (74), заводик по производству твердых сплавов (6), монополист по трубопроводной транспортировке нефти (59), монополист по производству апатитового концентрата (14), мировой гигант по поставкам софты (73), гигант по производству вагонов (11), цех по пошиву штор (49), цех по розливу инъекций (1), агентство по кредитованию экспорта (22), агентство по подбору персонала (15). В качестве подчиненных элементов выступают существительные со значением действия и процесса (в основном отглагольные дериваты). Предложная конструкция сужает область деятельности того, что выражено подчиненным словом. В современной прессе фиксируются сотни таких конструкций, в которых предлог *по* является удобным средством для определения деятельности конкретной организации.

Объем семантических групп, охватываемых конструкциями с предлогом *по*, обширен и включает существительные со значением конкретных предметов, называющих здания и сооружения, напр.: *конструкции по защите и укреплению земляного полотна (6), конструкции по многопустотным панелям перекрытия (74), нефтепровод по перекачке каспийской нефти (8), комплексы по ракетным технологиям и ядерным боеприпасам (22), комплекс по переработке отходов пластика (62).* Зависимая предложно-падежная форма осложняется оттенком назначения и выражена в основном существительным со значением действия. Экспансия предлога *по* вытеснила в данном случае привычные таким конструкциям зависимые формы с предлогом *для*.

Локальными связями осложняется конструкция, когда в качестве зависимого слова выступают названия мест (улиц, площадей, проспектов и т.д.): *дом шесть по улице Вересаева (4), дома по Измайловскому проезду (14), дом по Проточному переулку (4), квартира по Мичуринскому проспекту (23), квартира по ул. Гарибальди (4), чердак дома по Большому Саввинскому переулку (4).* По сравнению с моделью «название места по чему-л.», более конкретную территориальную определенность выражает модель с предлогом *на* с локальным значением, ср.: *дом шесть на улице Вересаева, дома на Измайловском проезде, дом Управления делами на Проточном*

переулке, Квартира номер 131 на ул. Гарибальди, чердак дома 1 на Большом Саввинском переулке.

Чрезвычайно широкую активность обретает предлог *по* в сочетании с опорными существительными отвлеченной семантики (названия действий, процессов, состояний). Данные словосочетания входят в широкие синонимические связи с другими разноструктурными конструкциями. Для иллюстрации приведем конструкции с опорными компонентами: *процесс, работа, действия, усилия, исследования, разработки: процесс по добыче и усреднению комплексных руд* (10), *процесс по продаже авиаперевозок* (21), *работы по отлову русла* (6), *работа по профилактике несчастных случаев* (11), *действия по предполагаемому пересечению границы* (8), *действия по подъему национальной экономики и финансов* (25), *усилия по увеличению возможностей персональных компьютеров* (15), *усилия по урегулированию карабахской проблемы* (74), *усилия по предотвращению забастовки стюардесс* (62), *исследования по вопросу создания Центра высокогорного туризма* (55), *исследования по газовой спектроскопии* (10), *разработки по приватизации* (4), *Программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 - 2012 годы»* (73). Словосочетание с опорным словом *процесс*, кроме образований с предлогом *по*, употребляется с зависимой беспредложной формой в родительном падеже (*процесс продажи автомашин, процесс создания теплопроводности*). Зависимая форма выражена существительными с отвлеченным значением. Конструкция с существительным *работа* очень часто сочетается с предлогом *по*, указывая на область выполняемых действий, а зависимая словоформа выражается существительным со значением действия, процесса. В выделенных словосочетаниях предлог является семантически опустошенным, указывая лишь на зависимость одной словоформы от другой. Наличие вспомогательного элемента (предлога) обязательно здесь для связи слов, которые непосредственно не сочетаются, ср. неправильность выражений: **действия предполагаемого пересечения границы*, **действия подъема национальной экономики и финансов* и др.

Приведенная выше модель *усилие по чему-л.* начинает конкурировать с моделями *усилия к чему-л.* и *усилия для чего-л.* Значение предлога здесь также опустошено, а зависимая форма,

благодаря семантике главного компонента, который выражает целеустремленное действие, имеет целевой оттенок. В модели *исследования по чему-л.* опорный компонент получает значение 'комплекс научных работ, направленных на изучение чего-л.' и выражен формой мн. числа. В таком случае вытеснению подвергает модель *исследования в чём-л.*

Такую же функцию формального соединительного знака выполняет предлог *по* в сочетании со словами *решения, меры, шаги, функции, ограничения*. Приведем примеры: *решения по урегулированию банковского сектора* (16), *решения по организации систем* (15), *меры по предотвращению опасного развития событий* (31), *меры по недопущению проведения конкурса* (9), *шаги по снижению веса* (50), *шаги по реализации* (3), *функции по охране нефтепровода* (8), *функции по контролю в области организации и функционирования особо охраняемых природных территорий федерального значения* (74), *набор функций по подготовке информации и доступу* (15), *ограничения по проезду* (25), *ограничения по времени* (15), *ограничения по весу* (10). Существительное *решение* сочетается с предлогом *по* в значении 'официальное постановление о чем-л.'. Отмеченным выше конструкциям с опорным словом *решения* близки также модели с предлогом *о* (*решения о создании помощи, решения о урегулировании банковского сектора*), в которых на первый план выдвигается делиберативное значение.

Характер синтаксических отношений в случае, когда предлог становится лишь формальным показателем связи, зависит от семантики образующих словосочетание существительных. Если же семантика зависимого компонента не несет значения широко понимаемого устремленного действия, то в таком случае можно лишь говорить об отвлеченно выраженной связи двух слов, ср.: *решения по памятнику* (3), *решение по соцпакету* (17). Модель *шаги по чему-л.* стала вытеснять в 90-е годы конструкцию *шаги к чему-л.* Такая модель укрепляется в публицистическом стиле. Словосочетания с опорными субстантивами *функции* и *ограничения* (обычно в форме мн. ч.) имеют соотносительные с ними беспредложные модели с зависимой формой родительного падежа, ср.: *функция охраны нефтепровода, функция подготовки информации и доступа, ограничения проезда, ограничения применения комплексной гомеопатии*. Тем не менее, беспредложные

словосочетания передают грамматические отношения менее дифференцированно, чем эквивалентные им предложные конструкции. Введение предлога исключает возможную двусмысленность.

Не исключено, что появление предлога вызвано стремлением избежать «наслаивания» родительного падежа. Употребление слова *ограничение* в сочетании с предлогом *по* приводит к изменению семантики существительного, в данном случае, *ограничения* – это ‘установленное правило, ограничивающее какие-л. действия, права’. Данная конструкция вытесняет нормативную модель *ограничения в чем-л.*

Активность предлога *по* заметна также в словосочетаниях, в которых главный компонент называет различные «мероприятия» как государственного, общественного, так и экономического и спортивного характера, с опорными словами: *кампания, акция, мероприятия, миссия*, напр.: *кампания по дискредитации российских правоохранительных органов* (7), *кампания по защите авторских прав* (2), *Всемирная кампания по микробицидам* (74), *акции по защите прав женщин* (17), *мемориальные акции по погибшим в терактах* (62), *мероприятия по обеспечению безопасности туристских путешествий* (11), *мероприятия по эффективности энергосбережения* (61), *мероприятия по обеспечению пожарной безопасности* (44), *миссия по добыче частиц с астероида* (71), *миссия по поддержанию мира* (30), *миссия по полету астронавтов на темную сторону Луны* (74). В качестве зависимых элементов выступают существительные со значением ‘действия, процесса’, указывающие, как правило, на область проявления конкретных мероприятий. Слова *кампания* и *дискредитация* формируют политический штамп *кампания по дискредитации кого-л. (чего-л.)*. Такое сочетание очень часто встречается на газетных полосах, ср.: *кампания по дискредитации МВД и ГИБДД*, *кампания по дискредитации милиционеров*, *кампания по дискредитации руководства «Росвооружения»*, *кампания по дискредитации украинского президента* и т.п. Довольно редко слово *кампания* распространяется беспредложной формой. Мы зафиксировали лишь один пример такой сочетаемости – *кампания социальной ответственности*. Зато слово *кампания* в сочетании с адъективным распространителем образует газетные политические штампы: *уборочная кампания, посевная кампания, избирательная кампания*.

Высокую частотность предлога *по* регистрируем при существительном *операция*, ср.: *операции по продаже-покупке наличной иностранной валюты* (8), *операция по защите титула чемпионов мира* (12), *операции по поддержанию мира* (9). Такие конструкции, по словам В. Шапошникова, высокочастотны, в частности, у деятелей правящего режима, особенно в устных высказываниях (Шапошников 1998, 78). Однако употребление таких конструкций вышло далеко за пределы политического дискурса, ср.: *операции по спасению шахтеров в Чили* (70), *операции по аренде квартир* (68), *операции по выявлению пьяных водителей* (71). Модель *операции по чему-л.* имеет функционально эквивалентную беспредложную модель с родительным падежом. Однако при форме родительного падежа опорное *операция* несет в большей степени процессуальное значение, а в предложной конструкции данное слово понимается как ‘меры, средства, применяемые для достижения определенного результата’.

При определенном лексическом наполнении, т.е. в случае, когда зависимые слова выражают значение целеустремленного действия, эти словосочетания передают дополнительные целевые значения (*операция по защите титула чемпионов мира, операции по поддержанию мира, операции по приготовлению однородного теста, операции по возвращению к жизни просроченного продукта*). Существительное *операция* распространяется также зависимой формой с локальным значением, указывающим на территорию распространения действия: *операция по Магаданской области* (26). Слово *операция* стало также сочетаться с данным предлогом в значении ‘лечебной помощи, воздействия на органы человека’, напр.: *операция по пересадке почки* (24), *операции по восстановлению внешности* (29), *операция по устранению результатов вазэктомии* (24). Зависимыми членами являются чаще всего отглагольные существительные со значением целеустремленного действия, а в синонимических им моделях с предлогом *на* (*операция на сердце, операция на почке, операция на глаза, операция на грыже* и т.п.) в качестве зависимой части употребляются конкретные существительные. Модель с предлогом *на* не образует сочетаний с отглагольными существительными, и наоборот, модель с предлогом *по* не присоединяет конкретных существительных, ср. неправильность конструкций: **операция по сердцу*, **операция по почке*, **операция на восстановление внешности*, **операция на пересадку*

почки. Это служит подтверждением правильности положения, что предлог *по* появляется в сочетании с существительным именно со значением целеустремленности, конкретизирующим тип осуществляемых действий.

Модели с предлогом *на* имеют также синонимические им беспредложные сочетания. Однако, как объясняет М.Я. Гловинская, разница в словосочетаниях *операция почки* и *операция на почке* заключается в том, что в падежном сочетании „речь может идти и о полном удалении почки, и о каких-то манипуляциях внутри ее или на ее поверхности, в предложном только о последнем” (Русский язык конца XX столетия 1996, 217).

Ныне в связи с ростом значения медицинской косметологии увеличивается количество словосочетаний с опорным *операция* и подчиненной формой выражающей вид выполняемой операции: *операции по увеличению груди* (74), *операции по введению грудного импланта* (61), *операция по подтяжке груди* (63), *операция по удлинению пениса* (60), *пластическая операция по изменению и корректированию формы и размера носа* (74), *операция по изменению пола* (73), *операция по изменению цвета глаз* (70) и т.п.

Предлог *по* сильно активизируется и вытесняет другие предлоги в конструкциях с опорными *поддержка, забота, согласие*, напр.: *поддержка по спросу* (14), *социальная поддержка по оплате за телефон* (2), *заботы по зарабатыванию денег* (18), *заботы по созданию удобных, функциональных и изысканных интерьеров служебных помещений* (21), *согласие по АЭС* (4), *согласие по всем позициям экономической программы* (1). Слово *поддержка* распространяется нормативной моделью с предлогом *в*, ср. *поддержка в спросе*, а также беспредложной формой *поддержка спроса*. Появление предлога *по* не обосновано функционально смысловыми потребностями со стороны текста.

Подобную ситуацию находим в словосочетаниях с опорными словами *забота, согласие*, управляющими соответственно зависимой формой с предлогом *о* и предлогом *в*. Предлог *по* вносит в значение словосочетания лишь бóльшую неопределенность, становясь синтаксическим знаком зависимости.

Предлог *по* стал употребляться и в словосочетаниях с главным членами: *возможности, замыслы, мнение, опыт, заявление, рекомен-*

дации, напр.: *возможности по привлечению ресурсов* (21), *возможности по управлению* (15), *возможности по созданию отчетов* (15), *замыслы по дискредитации* (9), *мнение по данной повестке* (28), *опыт по добыче и усреднению руд* (10), *опыт по контролю за дорожным движением* (32), *опыт по использованию сжиженного газа* (8), *заявления по Боснии и по НАТО* (13), *заявления по Катыни* (68), *заявления по ситуации на Корейском полуострове* (64), *рекомендации по усовершенствованию земледелия и ирригационной техники Египта* (11), *рекомендации по хранению и заготовке продуктов* (5). Образования с предлогом *по* и существительным *возможности* появились в данном случае, вытесняя нормативные конструкции с предлогом *для*. Например, в словосочетаниях *замыслы по дискредитации*, *заявления по Боснии и по НАТО*, *рекомендации по усовершенствованию земледелия и ирригационной техники Египта* был вытеснен делиберативный предлог, так как слова со значением речи и мысли сочетаются именно с предлогом *о*. Предлог *по* передает отвлеченное значение касательства, не внося никаких дополнительных оттенков в значение словосочетания. Модель *опыт по чему-л.* имеет синонимическую конструкцию с предлогом *в*: *опыт в чем-л.*, а также *опыт чего-л.* В качестве зависимых компонентов употребляются как конкретные, так и отвлеченные существительные. Предлог *по* активен также с существительными со значением речи и мысли, напр.: *речи*, *комментарии*, *выводы*, *вопросы*: *речи по вопросам геополитики* (17), *речи по внешнеполитическим вопросам* (42), *комментарии по армавирским и пятигорским событиям* (7), *комментарии по заполнению форм бухгалтерской и налоговой отчетности* (63), *выводы по сектору розничной торговли* (74), *выводы по оскорбительным высказываниям* (5), *вопросы по текущему моменту* (39), *вопросы по страхованию* (72).

Рассматриваемый предлог стал конкурировать также с другими предлогами в словосочетаниях с опорными *возражение*, *претензии*, ср.: *возражения по отчету* (44), *возражения по акту налоговой проверки* (72), *возражения по бизнесу в сетевом маркетинге* (63), *претензия по качеству товара* (74), *претензии по платежам* (21), *претензии по рекламе* (57). С нормативной точки зрения слово *возражения* при указании на объект употребляется с зависимой формой с предлогом *на*, напр.: *возражения на замечание*, *возражения на предложение*. Модель

претензия по чему-л. появилось на месте синонимических ей конструкций с предлогами *к* и *на*: *претензии к платежам, претензии на платежи*, которые несут объектные значения.

Формализация функции предлога *по* наблюдается и в словосочетаниях со стержневыми *победа, заказ, сотрудничество*, ср.: *победа по выбиванию долгов* (18), *победа по принятию закона о ККТ* (61), *заказы по ремонту* (21), *заказы по металлообработке* (23), *сотрудничество по обеспечению безопасности Евразийского транспортного коридора* (31), *сотрудничество по нанотехнологиям* (74), *сотрудничество по медицинскому туризму* (39). Все опорные компоненты располагают своими нормативными синтаксическими моделями: *победа в чем-л.* (или *победа над чем-л.*), *заказ на что-л.* (или *заказ чего-л.*), *сотрудничество в чем-л.* Тем не менее, конструкция с предлогом *по* употребляется параллельно, подтверждая свою высокую активность и экспансию в данной группе.

Интересно, что предлог *по* стал вытеснять предлог *в* с пространственным значением. Такое употребление предлога *по* вместо других локальных предлогов – явление сравнительно новое. Ср.: *убийства по Москве* (1), *аварии по городу* (21). Предлог *по*, по сравнению с локальным *в*, более неопределенно охватывает область проявления действия, не указывая на точную локализацию. Это лишь общее территориальное касательство и, в отличие от предлога *в*, не сосредоточивает действие на конкретный пункт, ср. *убийства в Москве, аварии в городе*.

В последнее время в языке прессы все чаще отмечается употребление с предлогом *по* слов *задача, задание*, напр.: *задание по перечислению средств* (2), *задание по разоблачению* (9), *пакет задач по углублению военной интеграции* (1), *задача по расширению номенклатуры и географии российского оружейного экспорта* (43). Опорные слова *задание, задача* имеют параллельные в функциональном плане конструкции с родительным падежом, ср. *задание перечисления средств, задание разоблачения, задача углубления военной интеграции* и т.д. Данные процессы лежат в русле общих процессов замены беспредложного родительного предложными падежами.

Замена других предлогов предлогом *по* наблюдается у существительных различных семантических групп. Здесь трудно установить

какие-н. ограничивающие критерии. Так, предлог *по* активизируется также с лексемами: *долг, услуги, политика, реформы, эпидемия, случай*, ср.: *долг по информированию общества* (20), *долг по зарплате* (2), *услуги по оформлению полного комплекта выездных документов* (9), *услуги по ограждению дачных участков* (21), *политика по продолжению строительства* (26), *политика по охране окружающей среды* (43), *эпидемия по продаже акций* (30), *эпидемия по сносу киосков* (74), *случай по Росаэронавигации* (31), *страховой случай по договору перестрахования* (67). Экспансивный предлог *по* конкурирует с предлогом *в* при слове *долг*, ср.: *долг в информировании общества*. Новые словосочетания появились на месте беспредложных с зависимой формой родительного падежа. Слово *услуги* (чаще всего в форме мн. числа) в значении 'бытовые удобства, предоставляемые кому-л.' стало употребляться с предлогом *по* для выражения объекта этих услуг. Существительное *услуги* также часто сочетается с адъективными распространителями, составляющими устойчивые выражения, напр.: *коммунальные услуги, бытовые услуги*, но эти конструкции обобщенно характеризуют тип соответствующих услуг и неспособны выражать их подробную детализацию.

В современном русском языке экономическая терминология принадлежит к активно развивающемуся пласту лексики. В данной сфере регистрируется много словосочетаний с предлогом *по*: *расходы по обслуживанию долга* (31), *расходы по обычной деятельности* (2), *издержки по закупке сырья* (3), *издержки по конкурсу* (6), *выплаты по ремонтам* (3), *выплаты по каско* (61), *долги по зарплате и пенсиям* (30), *долги по газу* (32). Выделенные словосочетания все активнее конкурируют с другими моделями дистрибуции. Существительное *расходы* употребляется нормативно с предлогом *на*, в котором на первый план выдвигается значение предназначения. Существительное *выплата* управляет объектным беспредложным родительным (*выплата задолженности*). Появление предлога *по* не вносит дополнительных смысловых значений в словосочетание. Наличие предлога *по* мотивируется стремлением избежать цепочки родительных падежей, затрудняющих восприятие текста. Беспредложный родительный может употребляться в случае, когда при опорном слове нет субъектного родительного, т.е. *выплаты ремонций*, однако введение субъектного родительного, затрудняет правильное восприятие словосочетания, т.е.

* *выплаты Германии репараций*. Следовательно, предлог *по* обеспечивает возможность появления одновременно объектного и субъектного значений, напр.: *выплаты Германии по репарациям*. Кроме того, субъектное значение передается формой творительного падежа – *выплаты Германией репараций*. В модели *долги по чему-л.* был вытеснен предлог *за*, ср. *долги за что-л.* В свою очередь, конструкция *долги по зарплате и пенсиям* не имеет функционально тождественного разноструктурного словосочетания и поэтому предлог *по* стал единственным средством передачи значения отвлеченного касательства.

Областью широкого распространения конструкций с данным предлогом является бухгалтерская терминология. Довольно часто с анализируемым предлогом сочетаются слова из сферы финансов типа: *задолженность, недоимки, задержки, расчеты*, которые отражают клише, имеющие плодотворную почву в период строительства капитализма (ср. также: Шапошников 1998, 78), ср: *задолженность по зарплате* (9), *задолженность по федеральной программе* (8), *недоимки по налогам* (2), *недоимки по страховым взносам* (41), *задержки по пенсиям* (3), *задержки по срокам поставки* (71), *расчеты по экспорту* (8), *расчеты по социальному страхованию и обеспечению* (4). До появления модели *задолженность по чему-л.* слово *задолженность* употреблялось в сочетании с предлогом *в* (*задолженность в уплате начисленных пеней, задолженность в заработной плате*). Модель с предлогом *по* вытесняет также конструкции с предлогом *в* и главным словом *задержки*, ср. *задержки в пенсиях*. Появление экспансивного предлога в данных конструкциях не оправдано функционально-семантическими факторами, поскольку он не вносит дополнительных значений в словосочетание, а лишь усложняет структуру и обогащает синонимические средства выражения.

Экспансия рассматриваемого предлога расширяется также на слова *процент, поступления, доход, доходность*, напр.: *проценты по кредитам и по депозитам* (9), *проценты по вкладам* (1), *поступления по кредитным линиям* (9), *поступления по имущественным налогам физических лиц* (62), *доход по операциям с ценными бумагами* (16), *доход по еврооблигациям* (50), *доходность по государственным бумагам* (18). Функция данного предлога, подобно предыдущим

группам, чисто формальная. Иногда такой тип связи вытесняет конструкции с предлогом *от*, ср.: *проценты от вкладов, поступления от налогов, доходы от туризма, доходность от инвестиций* и др.

Новообразования с предлогом-агрессором охватывают все более широкий круг слов. Они образуют политическую и финансовую фразеологию с готовыми моделями для выражения широкого круга недифференцированных значений. Новая модель охватывает и существительные: *ставка, льгота, гарантия, рынок, лимит, сделка*, напр.: *ставка по государственным обязательствам* (31), *льготы по уплате жилья и коммунальных услуг* (1), *гарантии по некоммерческим рискам* (25), *рынок по импорту* (1), *лимит по дебетовым продуктам MasterCard* (18), *сделки по отчуждению имущества* (30). Субстантив *льгота* употребляется также в модели с предлогом *на*, ср. *льгота на оплату техобслуживания, льгота на аренду*. В сочетаемостных возможностях слова *гарантия* в последнее время наметились изменения. Появились две модели *гарантия от чего-л.* и *гарантия по чему-л.* В первой модели, благодаря значению предлога *от*, выразительно передано значение указания на предмет (действие, состояние), от которого хотят избавиться. Во второй модели тип грамматических отношений не дифференцирован, а значение целой конструкции выводится лишь из суммы значений компонентов словосочетания. При определенном семантическом наполнении модели становятся синонимичными, ср. *гарантия по некоммерческим рискам – гарантия от некоммерческих рисков*.

С моделью *лимит на что-л.* (напр.: *лимит на электроэнергию*) начинает конкурировать новообразование *лимит по чему-л.*, напр.: *лимит по дебетовым продуктам MasterCard* (70), *финансовый лимит по стипендии* (74). Конструкция *сделка по чему-л.* стала активизироваться, несмотря на существование синонимической ей конструкции – *сделка на что-л.*

Массовое появление словосочетаний с предлогом *по* охватывает очень широкий круг слов и, как считает М.Я. Гловинская, к “80-90 годам модель с *по* так окрепла, что речь идет не столько о замене конкретных словосочетаний, сколько о появлении новых словосочетаний сразу с предлогом *по*, функционально эквивалентных или близких тем конструкциям, на которые распространяется его экспансия” (Русский язык конца XX столетия 1996, 220).

Кроме предлога *po*, простым выразителем отношения между словами может быть предлог *na*. В целом предлогу *na* не свойственно такое употребление, хотя в нашем материале имеются некоторые конструкции, в которых данный предлог становится лишь синтаксическим знаком зависимости одной словоформы от другой. Такие конструкции характерны для технической и канцелярской лексики. Приведем примеры: *рекламация на испорченный товар* (33), *рекламация на телевизор* (54), *рекламация на поврежденные товары* (33), *рецепты на возрождение* (21), *руководство (по эксплуатации) на гусеничные электромеханические игрушки* (32). Объектное значение предлог *na* вносит в словосочетания со стержневыми словами, обозначающими интеллектуальный продукт, информационный объект. Интересно, что предложные сочетания свойственны разным стилям языка: церковному языку – *толкование на Евангелие* (32), бюрократическому – *характеристика на Иванова* (32), *характеристика на сотрудника с места работы* (74), *характеристика на выпускника школы* (70), *аннотация на дипломную работу* (62), *аннотация на учебные пособия* (57), *аннотация на мелодическое пособие* (47) (см. также Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык 1997, 215).

Как отмечалось, одной из причин столь активного появления предложных конструкций является общее развитие предложных словосочетаний за счет беспредложных. Это касается, главным образом, беспредложного родительного падежа и попыток «облегчения» его значений. Появление предложной конструкции на основе беспредложной часто ведет к разграничению разных значений существительного. С другой стороны, предлоги становятся семантически опустошенными элементами, знаком синтаксической зависимости.

Предлог применяется для выражения широкого значения определенности, отвлеченного значения касательства, направленности. Ограничительное значение выражает предложная форма, когда указывает на область, сферу проявления признака, свойства, действия. Активнейшим из таких элементов становится предлог *po*. Результатом экспансии предлога *po* является его конкуренция с такими предлогами, как: *для, на, от, в, за, к, о, над*.

В сфере субстантивных словосочетаний образуется широкая предложная синонимика. Существование близких по значению

конструкций ведет, в свою очередь, к усложнению синтаксического ряда, появлению разноструктурных моделей для выражения близких и синонимических понятий. Рост таких конструкций вызван необходимостью выражения отвлеченных связей между явлениями и предметами окружающей действительности.

3.4. Аналогия и контаминация

Одним из проявлений тенденции к регулярности языка является языковая аналогия (Skalička 1949, 147). Языковая аналогия проявляется чаще всего на уровне морфологии. Этот процесс заключается в формальном и/или семантическом уподоблении одной единицы языка другой или переносу отношений, существующих в одной паре единиц на другую пару (БЭСЯ¹⁶, 31). По Ф. де Соссюру, «аналогия предполагает образец и регулярное подражание ему» (де Соссюр 1933, 150). Аналогию в языке отмечают также на уровне синтаксиса и связанного с этим процесса выравнивания дистрибутивных моделей. Получение словом новой сочетаемости неоднократно влечет за собой семантические сдвиги, которые сопровождаются возникновением дополнительного, вторичного смысла слова (Buttler 1976, 49).

В результате изменений в сочетаемости у существительных активизируются дополнительные семы или, наоборот, у них отмирают те или иные значения. К таким синтаксическим процессам, в которых происходят названные трансформации, относятся явления контаминации и семантико-синтаксической аналогии. Одной из главных причин сближения двух словосочетаний на основе аналогии является парадигматическая связь слов, их общее смысловое сходство. Правда, иногда такое сближение бывает достаточно отдаленным (ситуативным или окказиональным). Явления контаминации и аналогии проявляются в языке параллельно, одно сопровождает другое. Контаминация двух конструкций является результатом аналогии. В современной лингвистике под термином контаминация понимается соединение двух (реже более) языковых единиц в одну. Сам термин контаминация понимается по-разному. В научной литературе

¹⁶ *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, под ред. В.Н. Ярцевой, Москва 1998, с. 238.

выделяется лексическая, синтаксическая и фразеологическая контаминация. Тема данной работы ограничивает наш интерес к синтаксической контаминации. Как отмечалось, понятие контаминации понимается в языкознании довольно широко, например, *Энциклопедия по русскому языку* приводит следующее толкование: „взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы” (Русский язык. Энциклопедия 1979, 113). Подобным образом определяет контаминацию *Словарь-справочник лингвистических терминов* (Розенталь, Теленкова 1972, 152). Контаминация двух конструкций всегда возникает в разговорной речи в результате их частого речевого воспроизведения. Стирание и неразличение их четкой семантической дифференциации приводит к смешению двух разноструктурных единиц. Как пишет Г.А. Золотова, „параллельно книжным, строго нормированным, в разговорной речи употребляются менее строгие варианты форм связи, возникающие в результате контаминаций, действия аналогии и под.” (Золотова 1973, 115). Учитывая нормативную сторону, контаминационные соединения, по словам Н.Ю. Шведовой, „всегда имеют характер отступления от нормы [...]” (Шведова 1966, 73). Однако, с другой стороны, контаминация может „служить источником формирования новых языковых единиц” (БЭСЯ, 238).

Контаминационные явления составляют результат семантико-синтаксической аналогии. Аналогия является важным фактором развития и функционирования языка, благодаря которому говорящий может легко „переходить от корпуса известных ему форм к созданию новых (вследствие их новой комбинаторики, благодаря следованию определенной модели, схеме и т.д.)” (БЭСЯ, 31). В *Энциклопедии русского языка* указывается, что аналогия это „уподобление элементов языка другим элементам того же уровня, более распространенным и продуктивным, или сближение таких элементов” (Русский язык. Энциклопедия 1979, 20). Семантические связи двух слов являются одной из важнейших причин выравнивания их дистрибуции. Центром распространения может стать не только модель сочетаемости

определенного слова, но и образец сочетаемости целой группы слов с одной и той же моделью (Buttler 1976, 213)¹⁷.

В современном русском языке отмечаем модель *замкнутость на что-л. (чем-л.)*, ср.: *замкнутость на себя* (35), *замкнутость на себе самом* (35), или: *Но в России существует полное непонимание того, что замкнутость на внутреннем рынке – это ахиллесова пята, которая несет опасность гибели при экспансии* (73). Причиной появления предлога в сочетании с отглагольным существительным *замкнутость* (ср. глагольное управление *замкнуться во что-л.*) является актуализация его значения и сближение с моделью *сосредоточенность на чем-л.*

Непрерывное появление таких конструкций является результатом потребности выражения более специализированных значений. Например, слово *санкции* привычно употреблялось с адъективным распространителем, который относительно обобщенно выражали характер принимаемых мер, напр.: *уголовные, политические, административные санкции*. Возможность выражения конкретизированных мер достигается с помощью предлога *на*, ср.: *санкции на продукцию высоких технологий, санкции на въезд, санкции на ввоз товаров*, благодаря чему появляется возможность вводить потенциально неограниченный круг объектов по отношению к которым применяются эти санкции. Следовательно, расширяется круг существительных, способных распространяться данным типом связи, объединяя слова вокруг общего значения ‘запрет, ограничение’. Подтверждением этого может служить модель *эмбарго на что-л.*, которая появилась по аналогии с синонимической конструкцией *запрет на что-л.*, ср.: *эмбарго на экспорт зерна, эмбарго на поставку оружия, эмбарго на вывоз гречневой крупы*. Отмечаются также усеченные формы, указывающие непосредственно на объект запрета: *эмбарго на зерно, эмбарго на оружие, эмбарго на гречневую крупу*.

Выравнивание дистрибуционной модели наблюдается также в юридической терминологии, в частности в группе существительных со значением документа: *ордер на неприватизированную квартиру* (21), *ордер на строительство депозитария* (54), *ордер на обыск* (45),

¹⁷ В польском языке, кроме Д. Буттлер, контаминацией занимались также Я. Анусевич, Х. Курковска, Г. Саткевич и др.

свидетельство на возвращение (51), *свидетельство на изобретение* (10), *свидетельство на товарный знак* (36), *доверенность на получение денег* (34), *доверенность на автомобиль* (52), *долевой пай на квартиру* (12), *пай на землю* (37), *пай на жилье* (74). Такие модели являются результатом скрещения с *право на что-л.* Слово сочетание *доверенность на автомобиль* имеет также функционально соотносительную атрибутивную конструкцию *автомобильная доверенность*.

Существительное *подтверждение* управляет как беспредложным родительным падежом, так и винительным с предлогом *на*: *подтверждение на участие* (12) и *подтверждение участия*. Как было отмечено, существование двух параллельных разноструктурных конструкций может приводить к дифференциации значения опорного существительного, их семантическому размежеванию. В модели *подтверждение на что-л.* наступает актуализация значения опорного компонента – ‘официальный письменный документ, подтверждающий что-л.’ (ср. *подтверждение чего-л.* ‘обстоятельство, подтверждающее что-л.’). Ср. другие экзemplификации: *подтверждение на фрахтование тоннажа* (55), *подтверждение на оплату* (57), *подтверждение на строительство* (43).

В официальных документах профессионального характера существует также конструкция *требование на что-л.*, напр.: *требование на запчасти* (21), *требование на билет* (70), *требование на проведение международной предварительной экспертизы* (43), в которой стержневой компонент имеет значение ‘документ с просьбой о выдаче чего-л. или предоставлении кого-л. в чьё-л. распоряжение’, в отличие от других предложных сочетаний и беспредложного употребления, за которыми сохраняется значение ‘настоятельной просьбы, выраженной в категорической форме’ (*требование денег*), ‘правила, условия, обязательного для выполнения’ (*требования к ученику, требование отзыва, требования к экзаменуемым*) или значение ‘внутренние потребности, запросы’ (*требование к себе*) (БТСРЯ, 1341).

Процессы аналогии и контаминации заметны в сфере употребления предлога *над*. Унификация модели сочетаемости происходит чаще всего внутри конкретной лексико-семантической группы. Так, например, в результате контаминации таких моделей, как *контроль чего-л.* (*контроль выставки*) и *надзор над чем-л.* (*надзор над выставкой*), появилась новая модель *контроль над чем-л.* (*контроль*

над выставкой). Предлог *над* появляется при передаче отвлеченных значений, которые имеют корни в первичных пространственных значениях этого предлога. В результате семантического сближения существительных *контроль* и *секретность* в последнем наступает актуализация значения ‘контроль’ в сочетании с предлогом *над*, ср. значение слова *секретность* – это ‘хранение чего-л. в тайне, секрете, без передачи другим, под контролем’. Приведем примеры: *секретность над вопросами, имеющими важное общественное значение* (9), *секретность над тайными тюрьмами ЦРУ* (43), *секретность над испытаниями марсохода* (57), *секретность над гибридной версией Q5* (67).

Группировка слов вокруг определенного семантического гнезда объединяет по одинаковому типу связи такие существительные, как: *процесс, расправа, надругательство, подтрунивание, насилие, глумление*. Проиллюстрируем примеры: *процесс над членами организации «Садвал»* (9), *расправы над крестьянами* (13), *расправа над создателем сайта Wikileaks* (58), *расправа над осьминогом-предсказателем* (58), *глумление над русским народом* (20), *надругательство над чувствами* (39), *подтрунивание над блондинками* (38), *подтрунивание над могущественными российскими руководителями* (71), *глумление над реестром* (58), *глумление над долларом* (54), *насилие над телом* (7), *насилие над детьми* (51). Развитие у слова *процесс* данного типа сочетаемости обуславливается смысловым сближением этого слова со словом *суд* и унаследование от него его дистрибутивных свойств, ср. *суд над преступником, суд над предателем*. Конечно, в сочетании с данным словом приемлема также беспредложная форма родительного падежа, ср. *процесс преступника, процесс шайки воров*. Тем не менее, беспредложная форма ограничивает свое употребление за счет предложной. Существительное *расправа*, кроме приведенного сочетания с предлогом *над*, распространяется зависимой формой с предлогом *с*, например, *расправа с непокорными, расправа с солдатами*. В модель с данным предлогом входят в качестве опорных существительные с оскорбительно-насмешливым значением. Это касается именно таких слов, как *глумление, насмешка, издевательство, издевка, надругательство, подтрунивание*. В эту же сферу воздействия попало и слово *насилие*

в значении 'применение грубой физической силы или морального давления' (БТСРЯ, 599).

Процессы аналогии охватывают также предлог *о*. Активизация этого предлога в субстантивных словосочетаниях наблюдается, главным образом, при выражении объекта содержания мысли, речи, т.е. предлог служит средством передачи делиберативного объекта. По сравнению с соотносительными с предлогом *о* беспредложными конструкциями, предлог не вносит никаких новых значений. В таком случае предлог выполняет функцию формального средства связи. Приведем примеры: *вопрос об отставке* (9), *вопрос о целесообразности строительства нового завода* (8), *прогноз о «горячей осени»* (25), *прогноз о ситуации на рынке труда* (54), *прогноз о скорой девальвации* (58), *идея о возвращении населения* (12), *идея о третьей обороне* (9), *идея о прозрачности СМИ* (58). Приведенные предложные конструкции имеют соотносительные с ними конструкции с зависимым родительным падежом: *вопрос изменения, вопрос отставки, вопрос целесообразности* и др. Появление модели *вопрос о чем-л.* связано со сближением значений слов *вопрос* и *мысль (о чем-л.)*. Зависимая предложная часть называет объект мыслей, информации. В модели *прогноз о чем-л.* имеет место ассоциация существительного *прогноз* со словами типа *информация, сводка (о чем-л.)*. Слово *идея* в значении 'мысль, план, намерение' сочетается с несогласованным определением, выраженным формой родительного падежа *идея сохранения мира, идея возрождения России*. Предложная сочетаемость возникла по семантической аналогии с моделью *мысль о чем-либо*.

Группировка синтаксических моделей вокруг общего значения 'мысль' происходит и у других существительных, в семантике которых можно выделить компонент значения 'мысль' или 'продукт интеллектуальной активности': *версия, воспоминание, подозрение*, напр.: *версия о возможной причастности* (14), *версия о некачественном топливе* (60), *воспоминание о триумфе Гагарина* (9), *воспоминание о мире* (10), *подозрения о некой «дымовой занавесе»* (26), *подозрения о сговоре* (58), *подозрения о заражении ВИЧ* (44). По сравнению с беспредложной моделью (с родительным падежом), предлог *о* не обогащает грамматического значения словосочетания. Существительное *подозрение* нормативно сочетается с предлогом *в* для выражения объекта, ср.: *подозрение в краже, подозрение в причаст-*

ности. Модель *подозрение о чем-л.* является результатом семантического ближения с сочетаемостью слова *мысль (о чем-л.)*.

Наконец, следует вкратце остановиться на употреблении предлога *о* в сочетании с соотносительным местоимением *то*, которое предполагает появление в предложении зависимой придаточной части. Такая тенденция проявляется на уровне предложения, несмотря на то, что касается связи существительного и соотносительного местоимения, открывающего придаточную часть. Сочетание «*субстантив*» *о том, что...* оказывается очень распространенным в сочетании с опорным существительным, несмотря на его нормативное управление. В настоящее время такое употребление становится также характерным для глаголов, которые вводят придаточное изъяснительное предложение¹⁸. М.Я. Гловинская такое присутствие предлога *о* считает результатом «ленивой» речевой стратегии, позволяющей без каких-либо ограничений вводить придаточное предложение (Русский язык конца XX столетия; 256). Проиллюстрируем примеры таких предложений: *Одновременно выдвигалась совершенно фантастическая версия о том (вместо версия того, что...), что сменит его зампред ГКИ Виктор Пыльнев (42). А пока у тех, кто должен в ней участвовать, имеется весьма туманное представление о том (вместо представление того, что...), как исполнительная власть намерена ее проводить (18). Замечательно видеть столько, одухотворенных лиц наших женщин – они как напоминание нам всем о том (вместо напоминание того, что...), в каком долгу перед ними страна (43). ...расследование факта о том (вместо того факта, что...), что силовые ведомства халатно отнеслись к известию... (32). Важным стало подтверждение о том (вместо подтверждение того, что...), что... (32). В приведенных выше примерах на месте беспредложного соотносительного местоимения или непосредственно придаточной части оказывается форма, вводящая придаточную часть. Появление такого соотносительного слова можно считать тенденцией максимально стандартизировать тип дистрибуции двух частей сложноподчиненного предложения. Экспансия соединительного звена ...*о том, что...* заметна также в вытеснении предлогов, которые*

¹⁸ Данного типа процессы описываются в: *Русский язык конца XX столетия*, под ред. Е.А. Земской, Москва 1996, с. 256; К. Флекенштейн, *Некоторые замечания о глагольном управлении в современном русском языке*, «Русский язык в школе» 1970, № 3, с. 83.

нормативно сочетаются с определенным опорным субстантивом. Ср.: *А тем более для чистосердечных признаний мужу о том,* (вместо *признаний в том...*) *что в вашей жизни во время отпуска появился другой* (20). *О том, что фестиваль состоится, ни у кого не было уверенности* (вместо *уверенности в том, что...*) (32).

Некоторые существительные могут открывать придаточную часть без вспомогательных коррелятов. Однако шаблон *субстантив о том, что...* все активнее появляется в публицистической речи и газетах: *Их точка зрения базировалась на гипотезе Никитина о том* (вместо *гипотезе, что...*), *что в процессе строительства и утяжеления башины... начнет происходить равномерное самоуплотнение грунта за счет сжатия слоя глин и супесей* (6). *Поэтому прогнозы скептиков о том* (*прогнозы, что...*), *что «антирисковые» меры российского ЦБ существенно ограничат спрос, кажутся маловероятными* (1). *Как всегда, срабатывает стереотип о том* (*стереотип, что...*), *что из беды сподручнее выбираться вместе* (13). В связи с этим можно говорить о тенденции к штампованию синтаксических связей, их максимальной унификации, благодаря чему обеспечивается возможность вводить любое придаточное изъяснительное предложение.

В результате семантической аналогии двух слов одно из них преемствует дистрибутивные свойства другого. Новое словосочетание количественно пополняет определенную модель связи вокруг одной семантической группы слов. Такое выравнивание связи наблюдаем у слов *страх* и *гарантия*. Проиллюстрируем примеры: *страхование от коммерческого и политического рисков* (22), *страхование от болезней* (60), *страхование автомобиля от угона* (50), *гарантии от подделок* (8), *гарантии «от войны и революций»* (25), *гарантия от коррозии кузова* (56), *гарантии от злоупотреблений* (1). Зависимая часть с предлогом *от* получает значение ‘указания на предмет, явление, от которого хотят избавиться, защититься’. Появление данной модели (*страхование от чего-либо*) произошло по семантико-синтаксической аналогии со словом *избавление от чего-л.* (ср. *избавление от опасности, избавление от клопов*). Предлог усиливает значение удаления, избавления от отрицательных последствий, явлений, объектов. Силой тех же семантических связей обусловлено также появление модели *гарантия от чего-л.*, так как *гарантия* – это ‘надежная защита, избавление, обеспечение от каких-л. неприятностей,

случаев, явлений’. Такая дистрибуция замента и у слова *обеспечение*, ср. *обеспечение от воров*.

По ассоциации с моделью *защита от чего-л.*, по всей вероятности, сформировались также словосочетания: *безопасность от бывшей метрополии* (43), *безопасность от пожаров* (60), *безопасность от акул* (65), *профилактика от контактов с недобросовестными партнерами* (7), *профилактика от инсульта* (59), *профилактика от свиного и птичьего гриппа* (60). Опорные слова *безопасность* и *профилактика*, если не прямо, то опосредованно несут значение ‘защиты, избавления от чего-л.’. Ведь *безопасность* – это ‘лишенность угрозы, защищенность’, *профилактика* – это ‘совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка’ (ТСРЯ, 626). Семантическая группа с общим значением ‘защита’ характеризуется большой силой притягивания и вовлекает в свою модель дистрибуции также существительное *свобода*: *свобода от идеологии* (1), *свобода от совести* (74), *свобода от религиозного фундаментализма* (60). В приведенной конструкции имеет место аналогия слова *свобода* со словом *независимость* (от чего-л.).

На основе таких моделей как *лекарство от чего-л.*, *средство от чего-л.*, в которых предложное сочетание вводит значение ‘указания на состояние, явление, против которого что-л. используется’, появляются новые, образованные по этому образцу. В частности, косметическая терминология богата такими словосочетаниями: *крем от морщин*, *крем от растяжек*, *крем от рубцов*, *крем от морщин вокруг глаз*, *лосьон от выпадения волос*, *лосьон от угрей*, *жидкость от мозолей*, *шампунь-бальзам от перхоти*, *бальзам от выпадения волос*. Сопоставляя модели *крем от чего-л.* и *крем для чего-л.*, замечаем, что предлог *от* вводит значение ‘нежелательности состояния, явления, для устранения которого применяется данное средство’, в то время как в словосочетании с предлогом *для* зависимая часть несет значение назначения, в основном для получения положительных результатов от применения определенного средства. Следовательно, если подчиненное слово выражает нежелательное состояние, явление, результат, от которого хотят избавиться, то появляется предлог *от*: *мазь от комаров*, *мазь от синяков*, *крем от загара*, *крем от растяжек*, *капли от катаракты*,

капли от клещей и блох для собак, бальзам от простуды, бальзам от старения и ожирения и др.

Остановимся на конструкциях с предлогом *к*. Активность данного предлога связана в частности с выражением значения направленности к предмету, явлению. Процесс аналогии выразительно проявляется в группе слов, обозначающих разного рода чувства, проявляемые по отношению к другим лицам, напр.: *любовь к девушке, приязнь к брату, симпатия к страдающим, привязанность к матери*. Опорные субстантивы называют положительные чувства к другим лицам. Представляя отрицательные чувства, можно бы предполагать появление предлога *от*, как правило, выражающего идею устранения, избавления от чего-л. (ср. *отвращение от чего-л.*) Тем не менее, сила сочетаемости значения направленности чувства на объект оказывается сильнее, несмотря на их положительный или отрицательный характер. В связи с этим модель *чувство к кому-л.* объединяет не только названия положительных эмоций, но и отрицательных. Таким образом, существительные *неприязнь, антипатия, пренебрежение* и т.п. вовлекаются в круг одной дистрибутивной модели, напр.: *пренебрежение к другу, пренебрежение к лишениям* (ср. нормативное *пренебрежение чем-л.*), *антипатия к учителю, антипатия к риску, антипатия к актеру, неприязнь к людям, неприязнь к потерпевшему*. В качестве других примеров, охватываемых этим типом связи, можно причислить иногда признаваемое ненормативным употребление слов *злоба, ласка, недовольство*, ср.: *злоба к соседке, ласка к внуку, недовольство к дочери* (Прокопович, Дерibas, Прокопович 1981, 50). По той же аналогии возникают модели *отвращение к чему-л., сочувствие к кому-л.* (*чему-л.*), ср. примеры из газет: *отвращение к властям* (27), *отвращение к сексу* (60), *отвращение к еде* (41), *сочувствие к жертвам* (51), *сочувствие к мирному населению* (52), *сочувствие к маленькому народу* (5). Раньше употребление существительного *отвращение* с предлогом *от* было связано с выдвиганием на первый план значения удаления, избавления от чего-л. Сочетание *отвращение от чего-л.* имеет уже оттенок книжности. Конкуренцию победил предлог *к*, объединяющий дистрибуцию вокруг семантической группы со значением 'чувство'. Появление модели *сочувствие к кому-л.* является результатом аналогии с близкой по значению моделью *сострадание к кому-л.*, ср. нормативное *сочувствие*

кому-л. Таким образом, рост семантических факторов predeterminedил смену дистрибутивных моделей.

Семантико-синтаксическая аналогия проявляется в единичных случаях в конструкциях с предлогом *с*. Например, модель *разборки с кем-л.*, ср.: *разборка с конкурентами, разборка с бандитом, разборка с террористами*, появилась на основе дистрибуции слова *расправа*, ср. модель *расправа с кем-л.*

Активность словосочетаний с предлогом *за* связана в подавляющем большинстве также с процессами аналогии и контаминации. Приведем словосочетания с предлогом *за*: *кампания за отмену поддержки* (5), *кампания за права человека* (60), *кампания за выход Ставрополя из СКФО* (61), *конкурс за получение контракта* (16), *конкурс за безопасность движения* (71), *конкурс за звание Лучший фотограф 2010* (54), *агитация за создание 67-го чеченского сводного полка* (28), *агитация за кандидатов в президенты* (28), *агитация за здоровый образ жизни* (54). Словосочетания типа *кампания за отмену поддержки, конкурс за получение контракта* являются образованиями, употребляемыми наряду с другими синонимическими конструкциями, реализующими сочетаемость с предлогами *по* и *для* (ср. *кампания по чему-л., кампания для чего-л.*) и предлогом *на* (ср. *конкурс на что-л.*). В основе инноваций *кампания за что-л.* и *конкурс за что-л.* лежит актуализация значения существительного и его сближение с существительным *борьба* (*борьба за что-л.*), т.е. участие в конкурсе представлено как борьба, целью которой является победа. Показательна также сочетаемость устойчивых оборотов типа *вступить в бой за что-л., вступить в борьбу за что-л.* Такое же изменение структуры словосочетания на основе семантического сближения двух слов имеется в конструкции *агитация за что-л.* (напр. *агитация за создание полка*). Также в этом случае на появление модели оказала влияние дистрибутивная потенция слова *борьба*. По такому же пути появляется модель *ходатайство за кого-л.*, глагольную же связь *ходатайствовать за кого-л.* отмечают уже в новейших толковых словарях (БТСРЯ, 1448).

В результате влияния семантики слова *борьба* на существительные *восстание, конкуренция, критика* наступила актуализация их значения (см. также Болдырев 1964, 41). Вот примеры: *восстание за завоевание власти* (45), *критика за улучшение дел* (46), *конкуренция за источники финансирования* (22), *конкуренция за внимание Дмитрия Медведева*

(62), конкуренция за зонтик (63). Значение борьбы особенно отчетливо проявляется у слова конкуренция в примере: *В итоге Россия сталкивается с растущей конкуренцией за этот регион — особенно за страны, богатые сырьем или интересные с точки зрения транзита* (63). Подобное выравнивание конструкции по аналогии с приведенным выше словом находим у существительного инициатива: *инициатива за дальнейшее укрепление дела мира* (32), *зеленая инициатива за зеленый мир* (48), *инициатива за бесплатное среднее образование* (73), *ялтинская инициатива за мир в Чечне* (57).

Одним из факторов, способствующих появлению конструкций с предлогом *за*, является то, что данный предлог специализируется в выражении отношения желательности действия, и употребляется при указании лица, предмета, в защиту (в пользу) которого совершается действие (Русский язык конца XX столетия 1996, 41). Это подтверждают такие предложения, как: *Кто — за, кто — против?*; *Мы за то, чтобы...;* *Голосую за тем, чтобы ... (голос за кого-л.); Стою за него горой.* Предлог *за* в значении указания лица, в пользу, которого совершается что-л., употребляется, например, и в таком случае, как: *подписи за выдвижение кандидата* (3), *подписи за импичмент президента* (54), *подписи за исключение из фракции депутатов* (28), *подписи за отставку правительства* (63). Одновременно наступает переосмысление значения опорного компонента. Слово *подпись* актуализирует свое значение и понимается в одном из значений существительного *голос* ‘право заявлять свое мнение при решении вопросов в государственных и общественных учреждениях’, ср. *голос за кого-л. (голосовать за кого-л.)* (БТСРЯ, 216). (ТССРЯ¹⁹, 224).

Подобные процессы протекают также на уровне глагольного управления. В результате семантического сближения глагола *беспокоиться* со словом *тревожиться* наступило унаследование модели сочетаемости слова *беспокоиться* у глагола *тревожиться*. По норме русского литературного языка за словом *беспокойство* закрепилось употребление с зависимой формой с предлогом *о*, зато слово *тревога* образует модель с предлогом *за*. В результате контаминации словосочетаний *беспокоиться о детях* и *тревожиться за детей*, появилось *беспокоиться за детей*, а затем *беспокойство за детей*.

¹⁹ И. А. Ширшов, *Толково-словообразовательный словарь русского языка*, Москва 2004.

Таким же образом появились субстантивные модели *боязнь за кого-л.*, ср.: *боязнь за будущее сына* (32), *боязнь за собственную жизнь* (62); *страх за кого-л.*, ср.: *страх за любимую* (43), *страх за ребенка* (60); *опасение за что-л.*, ср.: *опасение за здоровье* (21), *опасение за будущее* *Формулы-1* (48)²⁰. В области глагольного управления заметна и обратная тенденция, глагол *тревожиться* наследует модель у глагола *беспокоиться о ком-л. (чем-л.)*. БТСРЯ фиксирует уже конструкцию *тревожиться о ком-л. (чем-л.)* (БТСРЯ, 1341).

В современном русском языке для выражения объектного значения параллельно употребляются при слове *контроль* предлоги *за* и *над*: *контроль за ядерным разоружением* (51), *контроль за волеизъявлением жителя* (39), *контроль за игорным или нефтяным бизнесом* (38), *контроль за бюджетом* (8), *контроль за качеством руды* (10). Слово *контроль* выступает в одном из своих нескольких значений – ‘наблюдение с целью проверки или надзора’ (БТСРЯ, 452). В этом значении оно может сочетаться с зависимой формой творительного падежа с предлогами *за* и *над*. Существуют ли различия в употреблении этих предлогов? Оба предлога допустимы с зависимыми существительными, называющими отглагольные существительные, действия, процессы. Например, *контроль за (над) использованием..., распределением..., нераспространением..., внедрением..., обработкой..., усвоением...* и т.п. Распределение зависимых форм, называющих отвлеченные понятия, в большей мере заметно у предлога *над* (Горбачевич 1981, 167), (Голуб, Розенталь 1997, 149). Приведем примеры: *контроль над государственными расходами, контроль над деятельностью, контроль над эмоциями, контроль над ресурсами*. Менее репрезентативны отглагольные существительные в словосочетаниях с предлогом *за*: *контроль за содержанием произведений искусства* (4), *контроль за деятельностью на территории города юридических и физических лиц* (70). Кроме того, предлог *над* значительно преобладает в конструкциях, зависимый компонент которых является существительным, называющим разного рода учреждения: *контроль над генетическими клиниками, контроль над прессой,*

²⁰ Данного типа конструкции еще в 60-х гг. XX века считались ненормативными, см. об этом: Д.Э. Розенталь, *Культура речи*, Москва 1964, с. 91.; Н.Г. Листвинов, *Вопросы стилистики русского языка*, Москва 1962, ч. II, с. 43; В.Г. Костомаров, *Культура речи и стиль*, Москва 1960, с. 61. Зато в новейших толковых словарях отмечается сочетаемость предлога *за* со словами *боязнь, страх*, см. БТСРЯ (с. 93, 715, 1277).

контроль над ОПТ, контроль над силовыми структурами, контроль над банком, а также существительным с конкретным значением, например: *контроль над выставкой, контроль над нефтепроводами, контроль над грузами в портах, контроль над 50 баллистическими ракетами, контроль над молодыми специалистами*. Появление формы творительного падежа с предлогом *за* является результатом семантического сближения слова *контроль* со словом *наблюдение за кем-л.* (чем-л.) в значении ‘осуществление надзора, наблюдения’, зато конструкция с предлогом *над* вошла в семантическое поле слова *власть над кем-л.* (чем-л.). Наконец, следует сказать, что существительное *контроль* образует также дистрибуцию с родительным беспредложным. Однако такое употребление свойственно профессионально-технической и официально-деловой речи (Вакуров и др. 1993, 199). Ср.: *контроль обработки данных* (15), *многоступенчатый контроль данных* (15), *контроль качества* (23).

Активность предлога *перед* в субстантивных словосочетаниях, по сравнению с экспансией других непроизводных предлогов, значительно меньше. Появление дистрибутивной модели *приоритет перед кем-л.*, ср. *приоритет перед иностранными гражданами* (30), *приоритет перед иностранцами при усыновлении детей* (52), или предложения: *У нас приоритет перед американцами* (74); *Дорожные знаки получили приоритет перед разметкой* (66), связано с унаследованием сочетаемости от близкого по значению существительного *преимущество*, ср. *преимущество перед кем-л.* (чем-л.). В результате семантико-синтаксической аналогии с тем же словом изменяется управление слова *превосходство*, ср. нормативное *превосходство над кем-л.* (чем-л.). Здесь имеется скрещение двух моделей, в результате которого появляется сочетаемость *превосходство перед кем-л.*, ср.: *превосходство перед сослуживцем* (56), *превосходство перед своими соперниками* (52), *превосходство перед животными* (14), *превосходство безличных денег перед наличными* (63), или предложения: *Вы ощущаете своё интеллектуальное превосходство перед большинством форумчан?* (69); *Имеет ли право человек чувствовать свое превосходство перед людьми, которые его обслуживают?* (71). Наступает также обратный процесс. Слово *преимущество* копирует сочетаемость существительного *превосходство*. В результате появляется в частности в разговорной речи, модель *преимущество над*

кем-л. (чем-л.) вместо нормативного *преимущество перед кем-л. (чем-л.)*, ср.: *преимущество над соперниками* (21), *преимущество над Windows Vista* (50), *преимущество над лейбористами* (74). Здесь контаминация произошла с конструкцией *превосходство над кем-л. (чем-л.)* (Горбачевич 1981, 162).

В русском языке уже давно наметилась тенденция к унификации типа сочетаемости существительных, обозначающих сильно переживаемые чувства. Одни и те же дистрибутивные средства приобрели слова *ужас, страх, восторг, восхищение*, образуя однотипную связь с предлогом *перед* при выражении объектных отношений (Прокопович 1966, 36), ср.: *ужас перед смертью* (67), *страх перед преступником* (70), *восторг перед кумиром* (3), *восхищение перед другом* (55), *восхищение перед одаренностью* (2). Существительное *восхищение* распространяется нормативно беспредложной формой творительного падежа (*восхищение другом, восхищение горами*) с объектным значением. В модели *восхищение перед кем-л.* зависимая словоформа имеет, кроме объектного значения, причинный оттенок (Русский язык конца XX столетия 1996, 242). Слово *восторг*, кроме модели с предлогом *перед* с объектно-причинным значением, сочетается также с предлогом *от* с тем же значением (*восторг от вида, восторг от призов*).

Подытоживая, следует отметить, что явления аналогии и контаминации связаны с тенденцией к выравниванию типов сочетаемости вокруг слов одного лексико-семантического разряда. Процессы этого типа способствуют выработке стандартизированных дистрибутивных свойств. Язык формирует готовые штампы, унифицирующие синтагматический строй. Изменения сочетаемости неоднократно сказываются на семантике опорных слов, которые актуализируют свое значение, выдвигая на первый план один из элементов значения. Параллельно обогащаются синонимические ряды словосочетаний. Существование в языке (в синхронном плане) таких синонимических конструкций может сказываться на постепенном ограничении употребления одной из конструкций или приводить к стилистическому размежеванию.

3.5. Переразложение синтаксических связей

Рост субстантивных предложных словосочетаний обуславливают не только семантические и контаминационные факторы, но и чисто формальные. Преобразование словосочетаний может наступать в структуре предложения и приобретать разнообразный характер. На уровне предложения устанавливаются важные тенденции развития новых типов словосочетаний. К этим явлениям относится переразложение связей²¹. Явление переразложения связей имеет разнообразный характер и, как пишет Н.Н. Прокопович, „может приводить к распаду словосочетаний, к изменению их структуры, к возникновению новых моделей словосочетаний и т.д.” (Прокопович 1974, 78). В рамках вопросов, изучаемых в настоящей работе, субстантивное словосочетание образуется на основе сложного трехчленного глагольного словосочетания. Под термином синтаксическое переразложение словосочетания понимаем такое переосмысление компонентов сложного трехчленного глагольного словосочетания, в котором слабоуправляемое предложное сочетание отрывается от глагола и становится определителем относящегося к глаголу сильноуправляемого имени²². Например, на базе трехчленного глагольного словосочетания *накладывать ограничения на доступ* создается словосочетание именное двучленное (*ограничения на доступ*) (Шведова 1964, 4). Оба компонента – сильноуправляемый и предложный слабоуправляемый – зависят от господствующего глагола. Новое словосочетание возникает в результате усиления смысловой связи между именными компонентами, зависимыми от глагола. По мнению Н.Ю. Шведовой, у трехчленного глагольного словосочетания „постоянно существует заложенная в самой его форме (порядок следования компонентов) тенденция к переразложению связей между компонентами: соседствующая с именем предложно-падежная группа как бы отходит от глагола и сростается с именем, становясь его

²¹ В лингвистической науке переразложение связей чаще всего понимается как “морфологическое явление, состоящее в смещении морфемных границ в слове, в результате чего возникают новые (вторичные) формо- и словообразовательные аффиксы и основы, которые могут утрачивать прямую морфолого-этимологическую связь с первичными формами” (БЭСЯ, 370).

²² Несколько по другому представляет *переразложение* Н.Н. Прокопович, связывая его в большей мере с сегментацией и парцелляцией высказывания, что приводит к актуализации некоторых компонентов смысла и развитию полупредикативности (Прокопович 1974, 78-79).

предложно-падежным определителем [...]” (Шведова 1966, 24)²³. Перегруппировка элементов внутри предложения связана с нарочитым выделением, с актуализацией каких-то компонентов предложения. Первой ступенью к их синтаксическому сближению может быть изменение порядка следования компонентов в предложении, напр.: *Ограничения на доступ наложила дирекция предприятия*. В результате линейного отрыва глагола от зависимых существительных укрепляется смысловая связь между двумя субстантивами. Связь определяемого существительного с предложным сочетанием становится сильнее, и оно начинает функционировать вне глагольной конструкции.

Переразложение связей внутри трехчленных глагольных словосочетаний является широко распространенным способом формирования субстантивных словосочетаний. Их количество постоянно увеличивается. Особенно широкое распространение субстантивных словосочетаний на базе глагольных получается в конструкциях со слабоуправляемой формой с предлогом *на*, напр.: *гарантии на долгосрочное кредитование* (от *предоставить гарантии на долгосрочное кредитование*), *санкции на продукцию* (от *наложить санкции на продукцию*), с предлогом *для*, ср.: *возможности для выражения требований* (от *дать возможности для выражения требований*), с предлогом *от*, ср.: *польза от применения фильтров* (от *получить пользу от применения фильтров*). Важно отметить, что, в отличие от явлений аналогии и контаминации, структурное преобразование элементов словосочетания не сопровождается изменениями в семантике отдельных компонентов словосочетания.

Однако, как подчеркивает Н.Ю. Шведова, не обязательно новые словосочетания проходят через ступень функционирования в трехчленном глагольном словосочетании. „Речь в данном случае – как пишет автор – идет о регулярном соотношении глагольных и именных построений, о том, что рядом с такими именными построениями в системе языка обязательно стоит глагольная структура, в которую они могут входить и к которой относятся как производное к производящему” (Шведова 1966, 25).

²³ О процессе переразложения связей пишет Н.Ю. Шведова в статье: Н.Ю. Шведова, *О некоторых активных процессов в современной русской синтаксисе (наблюдения над языком газеты)*, “Вопросы языкознания” 1964, №2.

В современной публицистическом стиле отмечаем конструкцию *право на что-л.* Ср.: *право на консервацию* (8), *право на возвращение в Европу* (13), *право на отсрочку студентов от прохождения воинской службы* (30). Базовой для данной модели являлась глагольная конструкция *иметь право на что-л.* Беспредложное употребление слова *право* характерно уже для деловой речи. Такая связь сохраняется в устойчивых конструкциях, в которых зависимый член указывает на предмет этих прав, являющихся природным, естественным правом, ср.: *право голоса, право контроля.* Предложная конструкция наблюдается в случаях, когда определяющий компонент обозначает проявление уже конкретных прав (ср. *право на консервацию, право на отсрочку студентов*). Тем не менее, существуют случаи параллельного функционирования беспредложной и предложной моделей: *право на бесплатное приобретение лекарств, право бесплатного проезда.* В таком случае, между предложной и беспредложной конструкциями нет никакой функциональной разницы.

Одним из активных в процессе переразложения синтаксических связей является предлог *от.* Данный предлог обладает в русском языке широким диапазоном грамматических значений. Он способен выражать различные конкретные пространственные значения (исходную точки движения, указание на предмет, по отношению к которому определяется положение), временные (обозначая момент, время, возраст, от которого начинается что-либо), причинные и др. В собранном материале предлог *от* указывает на предмет, явление как источник чего-л. См. нижеследующие иллюстрации: *эффект от проведения эксперимента* (8), *эффект от использования возможностей компьютера* (15). Модель *эффект от чего-л.* появилась на основе переразложения конструкции – *получить эффект от чего-л.* Кроме того, нередко наблюдается эллипсис отглагольных существительных типа: *применение, использование, введение, проведение,* которые в современной публицистике не всегда эксплицируются: *эффект от Олимпиады, эффект от эксперимента* (см. раздел 3.6. Структурная компрессия).

Предлог может выражать и другое значение, указывая на субъект действия, ср.: *предложение от «Новой газеты»* (27), *специальное предложение от «ПОСТ-ШОП»* (41), что является результатом переразложения в конструкции: *получать предложение от кого-л.*

(чего-л.). Такие словосочетания имеют также соотносительную с ними беспредложную модель с родительным падежом, ср.: *предложение друга*.

Перегруппировка внутри словосочетания имеется также в конструкциях с предлогом *для*. На базе глагольных моделей появляются именные: *возможности для выражения своих требований* (43), *возможности для контроля и тестирования* (15), *усилия для решения приоритетных задач* (42), *пространство для маневра* (14). Перегруппировка осуществилась на базе исходных глагольных конструкций: *иметь возможности для чего-л.*, *предпринимать усилия для чего-л.*, *иметь пространство для чего-л.*

По такому пути возникают многие другие словосочетания без каких-л. внутренних ограничений относительно лексического наполнения компонентов словосочетания, ср. примеры из прессы: *гарантии для населения* (ср. *гарантии населению*), *модификация для машин* (ср. *модификация машин*), *ориентир для правительства* (ср. *ориентир правительства*), *условия для работы* (ср. *условия работы*), *перспективы для лечения* (ср. *перспективы лечения*).

Остановимся вкратце на субстантивных словосочетаниях с предлогом *с*. Уже с XIX века отмечается его активность в словосочетаниях. В основном это проявлялось в росте употребительности предлога при выражении качественной характеристики лица как по внешнему, так и по внутреннему признаку (Изменения в системе словосочетаний 1964, 192), (Сорокин 1957, 43), напр.: *человек с большим умом*. В современном русском языке предлог *с* отличается широким диапазоном грамматических значений, так как служит выразителем многих конкретных значений (места, откуда направлено действие, ср. *приехать с севера*; времени, ср. *выехать с рассветом*; причины, ср. *устать с голоду*), а также передает более абстрактные отношения между предметами (*играть с мальчиками*, *сидеть с удочкой*). Активность появления словосочетаний с предлогом *с* связана в главной мере с процессами в области предложения.

На протяжении XIX века расширяется употребление предлога в значении ограничительного касательства в сочетании с опорными словами, обозначающими в широком смысле события, типа: *случай*, *происшествие*, *история*, *эпизод*, *недоразумение*, напр.: *случай с шотландским констеблем* (5), *случай с телефоном* (54), *случай с лошадью*,

происшествие с хозяином²⁴, история с неожиданными сюжетными поворотами (70), эпизод с тортом (74), недоразумение с изменением лицензии (3). В функции главных слов имеются отвлеченные существительные, в основном с коннотацией 'нежелательного действия, ситуации'. Активность подобного типа словосочетаний сводится к расширению семантического круга опорных существительных, напр.: *ситуация с усопшими* (39), *ситуация с сахаром* (4), *неприятности с властями* (40), *неприятности с правосудием* (19). В XX-XXI вв. семантические группы существительных, способных сочетаться с данным предлогом, активно пополняются, вовлекая все новые существительные. Причем у них сохраняется отрицательный оттенок значения, ср.: *скандал, инцидент, махинация, манипуляция*, напр.: *скандал с ковелевской кассетой* (2), *скандал с арестом* (8), *инцидент с молдавским министром обороны* (43), *инцидент с украинским дипломатом* (30), *махинации с квартирами* (17), *манипуляции с реестром акционеров завода* (8).

Как отмечалось, данные словосочетания возникли на основе процессов на уровне предложения. В предложении существуют определенные типы распространителей, которые в целом относятся к предложению и характеризуют предложение с самых различных сторон – целевой, локальной, временной и др., напр.: *С выборами в Южном Вьетнаме произошла очередная комедия* (Шведова 1964, 6), где словоформа *с выборами* в целом относится к предложению, не образуя словосочетания. Распространители этого типа называются в современной лингвистике детерминантами (Русская грамматика 1980, т. 2, 149). Субстантивные словосочетания с этим предлогом формируются уже на основе „срастания имени с таким распространяющим предложение компонентом. Процесс этот осуществляется всегда в рамках предложения и только на его основе” (Русская грамматика 1980, т. 2, 6). Однако, по-нашему, нельзя безоговорочно исключить также иной путь появления таких образований. Их базой могли послужить причастные обороты. Ср. предложения: *Малейший скандал, связанный с паевыми инвестиционными фондами, может окончательно подорвать доверие частного инвестора* (16); *Ситуация,*

²⁴ Два последних примера почерпнуты из кн.: *Изменения в системе словосочетаний...*, указ. раб., с. 193.

связанная с дорожно-транспортным происшествием в Марксовском районе, находится под постоянным контролем у Губернатора области (71). В таком случае эллипсису подлежит причастие, а оставшееся сочетание вступает в непосредственную связь со стержневым словом, ср. ситуация, связанная с обеспечением школ – ситуация с обеспечением школ; история, связанная со взяткой – история со взяткой; ситуация связана с отловом журналистов – ситуация с отловом журналистов. Однако возникшие таким способом конструкции следует отнести к структурной компрессии.

По сравнению с XIX веком в современном русском языке круг существительных, способных сочетаться с зависимой формой с предлогом *с*, постоянно обогащается, охватывая все новые слова: *фарс, проблема, формальности, провокация, беспредел, спекуляции, неудача, чехарда, сложности, дебош* напр.: *фарс с журналистами (5), фарс с «повышением» пенсий (19), проблема с техникой и ГСМ (43), проблема с бюллетенями (24), формальности с лицензией (30), формальности с личным контрактом (6), очередная провокация с рейтингом коррупции (74), провокация с фальшивым расписанием (48), беспредел с финансовой дисциплиной (9), спекуляции с ценами на муку (63), спекуляции с валютой (9), неудача с репортажем (59), неудача с реализацией долгосрочной финансово-бюджетной реформы (8), неудача с «Роснефтью» (31), чехарда с кадрами и функциями (31), чехарда с дорожными знаками (61), сложности с платежным балансом (31), сложности с отраслевой терминологией (55), дебош с рукоприкладством (63), дебош с дамами (56). В большинстве приведенных конструкций сохраняется отрицательное значение, а предложная форма выражает значение отвлеченного касательства.*

Приведем еще другие словосочетания, охватываемые экспансией данного предлога: *порядок с расходами (8), прокол с группой Шеремета (14), обстановка с захватами заложников (14), спектакль с повторным арестом (8), разборки с конкурентами (43), задержка с установкой (39), волокита с ремонтом (30), опоздания со сдачей подготовительных объектов (6). Некоторые из словосочетаний имеют функционально эквивалентные модели с другими предлогами, например, с предлогом *в*: *порядок с расходами – порядок в расходах.**

Сочетаемость этого типа характерна также для опорных слов: *акция, сделка, бум.* Приведем примеры: *акция с пересечением границы*

(23), акция с сожжением Корана (56), акция с воздушными шарами в Южной Корее (54), сделка с недвижимостью (30), сделка с обратной премией (51), глобальный бум с китайским акцентом (68), студенческий бум с журналами *Cool, Cool Girl* (74). Так, параллельно моделям акция с чем-л., сделка с чем-л., бум с чем-л. употребляются модели акция по чему-л., сделка по чему-л., бум по чему-л., обогащая синонимические средства выражения (см. раздел 3.3.). Пути возникновения обоих предложных моделей различны. Формирование словосочетаний с предлогом *с* связано с появлением свободных словоформ на уровне предложения, активность конструкций с предлогом *по* связана с общей тенденцией к росту предложных словосочетаний в современном русском языке, а также широтой заложенного в данном предлоге недифференцированного значения касательства.

По нашим наблюдениям, в качестве опорных слов активизируются также существительные без негативной оценки, напр.: *вопрос со сдачей* (42), *вопрос с долгосрочными пенсиями* (17), *вопрос с жильем* (4), *положение дел со сбором текущих налогов* (43), *дело с государственными инвестициями* (1). Такие конструкции широко встречаются в современной прессе. Не исключаем, что модели *вопрос с чем-л.*, *дело с чем-л.* могли появиться уже на основе ассоциации с сочетаемостью слов *трудности, затруднения* (ср. *трудности со снабжением, затруднения с подвозом стройматериалов*) (Вакуров и др. 1993, 74). В свою очередь, некоторые словосочетания типа *дело с Ивановым*, *дело с подлогом* являются опрощенными словосочетаниями, возникшими на основе конструкций из книжно-делового стиля, в котором передается смысл словосочетания в форме более развернутой, для четкого и ясного выражения мыслей. По Г.А. Золотовой, такие словосочетания образовались из конструкции: *дело по обвинению Иванова в подлоге* (Золотова 1973, 117). Словосочетания с предлогом *с* семантически очень емки и выражают значение ограничительного касательства. Именно тенденцией к сжатости и лаконичности обуславливается появление подобного типа конструкций.

Значение ограничительного касательства наблюдается также в глагольных словосочетаниях, что, в свою очередь, связано с процессом ослабления синтаксической связи между компонентами словосочетания. На месте сильных связей появляются более свободные, как бы высвободившиеся из обычных синтетических моделей. Примеры

таких глагольных образований приводит, между прочим, Г.А. Золотова, напр.: *откладывает отъезд > откладывает с отъездом, закончить уборку > закончить с уборкой, оттягивать отъезд > оттягивать с отъездом, разобраться в финансах > разобраться с финансами* (Золотова 1973, 119).

В заключение следует отметить, что перераспределение связей возникает только на уровне предложения. Перегруппировка компонентов в предложении не сказывается на семантике компонентов, образующих новое словосочетание. Появление таких новообразований увеличивает возможности выработки новых предложных моделей в современном русском языке. Такие процессы неразрывно связаны с ослаблением синтагматических связей между отдельными компонентами предложения.

3.6. Структурная компрессия

Человеческому мышлению свойственно стремление к передаче мыслей экономным способом, что непосредственно связано с реализацией закона экономии языковых усилий (Мартине 1963). Структурная компрессия проявляется в словосочетаниях в форме эллипсиса одного из элементов структуры и признается риторической фигурой. При характеристике объектов определенная часть структуры языка может сокращаться или подвергаться опущению (пропуску).

Языковая экономия является одной из причин изменений в системе языка. Экономии языковых средств можно определить как тенденцию к сохранению равновесия между постоянно действующими в языке противоположными силами, которые ведут, с одной стороны, к сокращению избыточных различий, с другой – к сохранению значительных (существенных) различий (ЕЖО²⁵, 127). В лингвистической литературе существует большое количество терминов для определения различных способов упрощения языкового кода, которые, в частности, относятся к сфере словообразования и синтаксиса²⁶.

²⁵ *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, pod red. K. Polańskiego, Warszawa 1995.

²⁶ А. Бартошевич для определения разных типов структурной компрессии приводит следующие термины: *включение, стяжение, сгущение, опущение, замещение, опрощение, совмещение, редукция, компрессия, конденсация, эллипсис*, см. А. Bartoszewicz, *Zagadnienia ewolucji współczesnego języka rosyjskiego*, Warszawa 1987, с. 55.

Рассматривая структурную компрессию, мы должны учесть взаимодействие единиц плана выражения и плана содержания, так как изменения в структуре словосочетания, т.е. его упрощение, укорочение, сопровождаются одновременно усложнением структуры плана содержания, его семантической конденсацией. Таким образом, возникают новые синтаксические модели, исчезает употребление некоторых типов синтаксических конструкций, часть из них существует параллельно в языке, обогащая синтаксическую синонимику. В области субстантивных словосочетаний выделяются разные способы структурной компрессии.

Компрессии подлежит зависимый субстантив, управляющий следующим за ним существительным, который остается и входит в связь непосредственно с опорным словом. Выпавший элемент – это в основном отглагольное существительное или существительное с отвлеченным значением, которое опускается без ущерба для понимания смысла. Приведем сначала примеры с субстантивами, имеющими обобщенное значение (*вопрос, должность*), которые в современной прессе подлежат чаще всего опущению. Ср.: *совет по вопросам науки и искусства – совет по науке и искусству, менеджеры по вопросам информационных технологий – менеджеры по информационным технологиям, специалист по вопросам русской преступности – специалист по русской преступности, кандидат на должность (пост) директора – кандидат на директора. Опущение данных субстантивов возможно, благодаря их обобщенному значению. Компрессованные конструкции не утрачивают своего смысла и понятны без распространителей этого типа.*

Как указывалось, субстантивный компонент опускается, ввиду его семантической незначимости. Опускаются те элементы структуры, которые легко угадываются, благодаря окружающему контексту. Поэтому эллипсису подлежат очень часто субстантивы с абстрактным значением такие, как: *определение* или *наличие*. Присущее этим словам общее значение ‘характеристики’ и ‘существования’ необязательно для экспликации и понимания словосочетания, следовательно эти компоненты выпадают без ущерба для семантики словосочетания. Подтверждением эллипсиса этих элементов может быть параллельная регистрация словосочетаний с эксплицитно выраженным таким компонентом, напр.: *тест на определение цвета ауры* (48) – *тест на*

цвета ауры (52), тест на определение профориентации (48) – тест на профориентацию (60), тест на наличие беременности (61) – тест на беременность (46), тест на ясновидение – тест на определение уровня ясновидения (63).

В современной публицистике таких компрессованных конструкций очень много. Причем новые конструкции могут образовываться, минуя ступень с отглагольным существительным, ср.: *тест на дальтонизм* (не фиксируют **тест на определение дальтонизма*), *тест на секс зависимость* (при сомнительном **тест на определение секс зависимости*), *тест на нестандартность мышления* (при сомнительном **тест на определение нестандартности мышления*), *тест на гражданство США* (при невозможности **тест определение (наличие) гражданства США*).

Пропуску подлежат также отглагольные существительные. Исключение из состава словосочетания таких существительных происходит без ущерба для значения конструкции, поскольку следующий за отглагольным существительным компонент достаточно ярко выражает свое значение. В частности, выпадают такие отглагольные существительные, как: *получение, проведение, воздействие, покупка, продажа, развитие, создание, обеспечение, поставка, ввоз, вывоз*. Например: *претенденты на получение приза* – *претенденты на приз*, *кандидат на получение стипендии* – *кандидат на стипендию*, *доверенность на получение товара* – *доверенность на товар*, *эффект от проведения эксперимента* – *эффект от эксперимента*, *эффект от воздействия гашиша* – *эффект от гашиша*, *контракт на покупку гидросистем* – *контракт на гидросистемы*, *агент по продаже авиабилетов* – *агент по авиабилетам*, *агент по продаже недвижимости* – *агент по недвижимости*, *представитель по продажам товаров и услуг* – *представитель по товарам и услугам*, *менеджер по продаже запчастей к грузовым автомобилям* – *менеджер по запчастям к грузовым автомобилям*, *координатор по развитию бизнеса* – *координатор по бизнесу*, *соглашения по созданию ЕЭП* – *соглашения по ЕЭП*, *мероприятия по обеспечению пожарной безопасности* – *мероприятия по пожарной безопасности*, *эмбарго на поставку оружия* – *эмбарго на оружие*, *эмбарго на вывоз гречневой крупы* – *эмбарго на гречневую крупу*.

Кроме опущения субстантивных элементов, компрессия касается также адъективных компонентов, удаление которых не ослабевает смысла словосочетания. Прилагательное оказывается компонентом, пропуск которого не затрудняет понимания, а семантическая нагрузка переносится на следующее за прилагательным существительное, ср.: *уполномоченный по делам национальных меньшинств* – *уполномоченный по делам меньшинств*, *художник по сценическим костюмам* – *художник по костюмам*.

Явление структурной компрессии прослеживается как на уровне синтаксиса, так и словообразования. Оба уровня взаимодействуют, что отражается в образовании разноструктурных наименований, которые тождественны в семантическом плане, например, *автомобильный инструктор* – *автоинструктор*. В газетных текстах отмечается конструкция *инструктор по вождению автомобиля*. Параллельно встречаются опрошенные словосочетания, в которых усечению подлежит последний компонент (*автомобиль*) – *инструктор по вождению*.

В структурной компрессии опущение одного из компонентов структуры может приводить к одновременному изменению падежной формы зависимой единицы, например к замене форм падежей: 1. родительный → дательный: *Центральный совет по вопросам туризма и экскурсий* – *Центральный совет по туризму и экскурсиям*; 2. родительный → винительный: *заявка на получение топлива* – *заявка на топливо*, *контроль на наличие вирусов* – *контроль на вирусы*, *обследование на наличие инфицированности* – *обследование на инфицированность* и т.п.

Стяженные конструкции становятся проще в плане выражения, осложняя одновременно план содержания, так как упрощенная конструкция семантически соответствует расчлененной.

Иногда упрощение может вести к разнообразным интерпретациям и неточностям в понимании без более широкого контекста или ситуации, например, словосочетание *соглашения по нефтяному месторождению* без опоры на конситуацию может пониматься по-разному: *соглашения по добыче нефтяного месторождения*, *соглашения по продаже нефтяного месторождения*, или же *соглашения по покупке нефтяного месторождения*. Установление, какой именно компонент был усечен и/или подразумевается,

неоднократно зависит от более широкого контекста, в котором функционирует словосочетание, например, базой для конструкции *документы на квартиру* могли послужить следующие более развернутые фразы: *документы на вселение в квартиру*, *документы на продажу квартиры*, *документы на выдачу квартиры*. Многозначность снимается на уровне речи или контекста, в которых функционирует словосочетание.

Структурной компрессии может подвергаться не одно слово, а несколько компонентов, которые зависят от главного субстантива, напр.: *аукцион по продаже пакета акций ГКО* – *аукцион по ГКО*; *предложения по урегулированию конфликта в Афганистане* – *предложения по Афганистану*; *тестирование на определение уровня IQ* – *тестирование на IQ*. Некоторые стяженные словосочетания требуют более развернутых выражений: *проверка на подслушивание* – *проверка для того, чтобы найти подслушивающее устройство*; *замыслы по дискредитации* – *замыслы для того, чтобы дискредитировать*, *доверенность на автомобиль* – *доверенность на право управления автомобилем*.

Словосочетания могут появляться в результате опрощения конструкций с причастным оборотом. В таком случае эллипсису подлежит причастие с некоторыми элементами структуры, а оставшееся зависимое существительное входит в непосредственную связь с опорным словом, сохраняя свою прежнюю предложно-падежную форму. Такие конструкции в частности активны в технической и научно-популярной лексике, напр.: *энциклопедия, предназначенная для работы на CD-ROM-е* – *энциклопедия на CD-ROM*; *программисты, работающие на компьютерном языке Delphi* – *программисты на Delphi*; *версия, предназначенная для работы на CD-ROM-е* – *версия на CD-ROM*.

Тенденция к экономии языковых средств, к лапидарности языкового строя порождает все новые опрощенные конструкции, источником которых является живая разговорная речь. Процессы структурной компрессии протекают в современном русском языке очень активно. С другой стороны, в языке наблюдаются прямо противоположные процессы, приводящие к избыточности компонентов, что, в свою очередь, ведет к плеонастичности конструкций (Прокопович 1974, 95), (Прокопович 1966, 143). Как

утверждает А. Бартошевич, “Konstrukcje uproszczone odróżniają się od swoich strukturalnie bardziej rozbudowanych i komunikacyjnie równoznacznych wariantów, które bez stylistycznego nacechowania właściwe są normatywnemu językowi ogólnemu. Cechują one język bardziej swobodny, nieskrępowany, czyli bezpośrednio związany z mową potoczną i odpowiednio występują przeważnie w języku prasy, publicystyki” (Bartoszewicz 1987, 57).

Таким образом, процесс структурного опущения элементов словосочетания наблюдается в словосочетаниях, в которых семантически необязательный элемент может опускаться без ущерба для понимания конструкции. Пропуску подлежат в частности отглагольные существительные (с процессуальным значением) или существительные с отвлеченным значением. Структурная компрессия сопровождается одновременно усложнением семантической структуры словосочетания. В газетно-публицистическом стиле структурная компрессия используется для локализации текста при одновременном сохранении содержательной стороны словосочетания. Такие приемы способствуют возникновению стандартных средств выражения, упрощающих языковой код и уменьшающих редундантность текстов.

3.7. Словосочетания с производными предлогами

В сфере субстантивных словосочетаний наблюдается высокую активность употребления отыменных предлогов. Генетически эти предлоги восходят к существительным. Как считает Н.И. Астафьева, „[...] отыменные предлоги служат для указания на наиболее общие, абстрактные отношения, однако, благодаря отчетливо выраженному в них лексическому значению, они определяют эти отношения более четко, чем первичные” (Астафьева 1974, 12). Производные предлоги „по своему строению и происхождению связаны с полнозначными словами и закреплены за выражением одного определенного вида отношений” (Грамматика современного русского литературного языка 1970, 311-312). В сфере субстантивных словосочетаний к наиболее активным непервообразным отыменным предлогам мы отнесли: *в сфере, в адрес, в области, по линии, в рамках, в лице, в отношении.*

Кроме того, в анализ включаются словосочетания с наречным предлогом *вокруг*.

Предлог *вокруг* имеет достаточно выразительное лексическое значение, так как он перешел в разряд этой служебной части речи из класса наречий и употребляется как в функции предлога, так и наречия (Астафьева 1974, 11). В конкретном значении употребляется для выражения пространственных значений (*собраться вокруг стола*). На основе этих значений сформировалось и значение неопределенной связи между двумя явлениями, процессами или объектами. Предлог не уточняет какой именно тип связи характеризуют, сопоставляемые друг с другом явления и объекты. Их можно определить значением ограничительного касательства.

В функции опорных слов имеются существительные отвлеченной семантики, называющие процессы, явления, состояния. Зависимая часть представлена словами конкретной и отвлеченной семантики, указывающими уже по отношению к чему проявляется то, что названо опорным словом. Проиллюстрируем примеры со словами *ситуация, обстановка, события, скандал, конфликт*, которые особенно частотны в публицистике: *ситуация вокруг гиганта «АвтоВАЗ»* (18), *обстановка вокруг Пригородного района* (28), *события вокруг «Связьинвеста»* (26), *скандал вокруг ареста сотрудников ОПТ* (26), *конфликт вокруг скульптур* (3). С отмеченными словосочетаниями соотносятся близкие им по значению конструкции с предлогом *с*, ср. *ситуация с сахаром, скандал с уходом инвестора, обстановка с захватами заложников, событие с режиссерами* (см. раздел 3.5.).

С предлогом *вокруг* могут сочетаться также слова со значением действия, типа: *махинация, манипуляция, возня, страсти, борьба, игры*, ср.: *махинации вокруг покупки завода, возня вокруг Бергмана* (22), *манипуляции вокруг межэтнических проблем* (71), *возня вокруг решения ЦИК о голосовании на дому* (72), *страсти вокруг низкой залоговой цены* (26), *игры вокруг ГАИ* (29), *борьба вокруг плана приватизации* (21). Существительное *возня* сочетается с данным предлогом в основном в значении 'скрытая деятельность, интриги'. Словосочетание *борьба вокруг плана приватизации* образовалось на основе конкретного пространственного значения этого предлога, а затем произошло расширение семантического класса существительных, способных выступать в роли зависимого слова. В кон-

струкции *игры вокруг ГАИ* наличие предлога *вокруг* предопределяет семантику стержневого компонента, который актуализирует в этой модели свое значение и понимается слово *игры* как ‘интриги, тайные замыслы для достижения определенных целей’.

С данным предлогом в роли опорного слова широко выступают слова со значением речи, мысли: *шумиха вокруг газетных тиражей и штрафов* (30), *слухи вокруг смерти* (19), *разговоры вокруг планировавшихся повышений пенсий* (19), *споры вокруг статуса Каспия* (43), *мнения вокруг вопроса о неделимости России* (8). В отмеченных словосочетаниях предлог *вокруг* указывает на некую неопределенность, осложняясь оттенками делиберативного значения, в которых указывается на предмет речи, мысли, выраженный зависимым элементом. С конструкциями с данным предлогом синонимизируются также словосочетания с предлогом *о*, ср.: *слухи о борьбе, разговоры о детях, споры о деньгах, мнение о приятеле*.

В XX веке в русском языке появился предлог *в сфере*, пополняя тем самым круг грамматических средств для передачи значения указания на область распространения действия (свойства, состояния). В качестве опорных слов употребляются отвлеченные и отглагольные существительные, напр.: *взаимоотношения в сфере бюджетной политики* (28), *мошенничества в сфере безналичных финансовых расчетов* (18), *соглашения в сфере экономического и торгового сотрудничества* (43), *цели в сфере переработки* (31), *политика в сфере обороны и безопасности* (1), *правонарушения в сфере рынка ценных бумаг* (21), *борьба в сфере коммерции* (1). Предлог *в сфере* несет ограничительное значение, указывая на область распространения действия, признака, названного опорным словом. Всем названным выше словосочетаниям синонимичны конструкции с предлогами *в, в области*, ср. *взаимоотношения в сфере бюджетной политики – взаимоотношения в бюджетной политике, цели в сфере переработки – цели в области переработки* и др. Таким образом, формируются синонимические ряды, благодаря чему обогащается возможность выражения одинаковых или близких по смыслу значений с помощью разных служебных средств.

В роли опорного компонента относительно редко употребляются ‘названия лица’, напр.: *новичек в сфере приватизации* (42). В словосочетаниях, в которых опорное слово называет лицо, предлоги

в, в сфере, в области практически взаимозаменяемы (*новичок в приватизации – новичок в сфере приватизации – новичок в области приватизации*). Между ними нет никаких семантических различий.

Субстантивные словосочетания с предлогом *в адрес*, благодаря выразительному значению, которое несет бывший субстантив *адрес*, указывают на объект (лицо), которому адресовано то, что названо стержневым компонентом. Предлог *в адрес* применяется, в основном, в официальной речи. В качестве опорных слов употребляются конкретные существительные со значением документа, а также существительные со значением речи, мысли, а в качестве зависимых имена со значением лица. Проиллюстрируем примеры: *рапорт в адрес коменданта* (11), *документы в адрес прокуратуры* (5), *записка в адрес начальника* (10), *письмо в адрес партнера по коалиции* (5).

Вторую группу образуют существительные со значением действия (в частности, речи, мысли), в основном для выражения отрицательного отношения к объекту действия. В таком случае в роли опорного слова имеются такие существительные, как: *критика, замечание, обвинение, нарекания, угрозы*, напр.: *критика в адрес военных* (17), *замечания в адрес политика* (8), *обвинения в адрес спикера* (5), *нарекания в адрес идеологов* (2), *угрозы в адрес шоумена* (52).

Все активнее в качестве зависимого слова употребляются существительные со значением учреждения, предприятия и т.п., напр.: *критика в адрес министерства, обвинения в адрес завода*. Данным словосочетаниям синонимичны также конструкции с предлогом *к*, *в отношении*, *по отношению к*.

Производный предлог *в области* уже широко применялся в XIX веке для передачи ограничительных значений, прежде всего, сферы деятельности (Черкасова 1974, 103), напр.: *деятельность в области искусства*. В XX-XXI вв. широкую употребительность получают в качестве опорных слов существительные: 1) с неперсонифицированным значением, не указывающие на какую-л. деятельность, 2) называющие лиц по профессии. Приведем примеры словосочетаний первой группы со словами *сотрудничество, программа, решения, информация, политика, проблема, проект, награда*, напр.: *сотрудничество в области нефтепереработки и обмена нефтепродуктами* (43), *программы обучения в области юриспруденции* (30), *решения в области авиационной техники* (25), *информации в области литературы*,

искусства и культуры (43), *политика в области электроэнергетики* (8), *проблемы в области авиации* (10), *проекты в области электроэнергетики и производства сырья* (1), *награда в области драматического искусства* (3). Опорные слова называют отвлеченные понятия, прежде всего, продукты интеллектуальной деятельности, а зависимый компонент обозначает определенную область, сферу деятельности. В этом значении предлогу *в области* близок непроизводный предлог *в* и производный *в сфере*, с которым может входить в синонимическую связь, ср. *сотрудничество в нефтепереработке* – *сотрудничество в области нефтепереработки* – *сотрудничество в сфере нефтепереработки*. Некоторые словосочетания получили также синонимичные им конструкции с предлогом *по*, напр.: *информация в области литературы* – *информация по литературе* (см. раздел 3.3.).

Обобщенность лексического значения предлога возрастает в случае, когда предлог *в области* сочетается с зависимыми существительными, не называющими уже сферу знаний, а обозначающими отвлеченные понятия, действия (отглагольные существительные), напр.: *ситуация в области безопасности и принципов* (3), *задачи в области установления и развития отношений с различными странами* (18), *новации в области борьбы с преступностью* (28), *служба в области проведения обысков* (1). В качестве подчиненных компонентов употребляются, прежде всего, слова с процессуальным значением. Предпочтение предлога *в области* можно обосновать его большей лексической выразительностью по отношению к первообразному предлогу *в*, ввиду наличия в составе производного предлога существительного, усиливающего значение предлога.

Такие же ограничительные отношения устанавливаются, если в качестве опорных слов употребляются существительные со значением лица по профессии, роду деятельности или по качественной характеристике. Ср.: *специалисты в области биоэнерготерапии* (29), *лидер в области макроэкономики* (31), *конструктор в области ракетостроения и космонавтики* (48), *авторитеты в области тоннелестроения* (6), *пионер в области производства суперкомпьютеров* (15).

Предлог *по линии* появился в конце XIX – начале XX вв. Данный предлог является принадлежностью официально-делового стиля (Астафьева 1974, 47). Его функция сводится к указанию на сферу

проявления признака, действия (*работа по линии профсоюзов*) и для передачи значения способа, при помощи которого осуществляется действие, названное опорным словом (*идти по линии добросовестных отношений*). Последнее значение выражают и следующие словосочетания: *финансирование по линии ИФС* (53), *кредитование по линии МАР* (16), *обмен по линии междуниверситетского сотрудничества* (52), *помощь по линии ОДКБ* (51), *расходы по линии МВД* (8), *розыск по линии Интерпола* (51). В качестве опорных слов употребляются отглагольные существительные, а недопустимы в качестве зависимых существительные с конкретно-предметным значением (Астафьева 1974, 47). Предлог вносит значение источника действия, названного главным компонентом. Предложная форма может выражать сферу распространения действия, названного опорным словом. Ср. конструкции: *силы по линии МВД России* (30), *оперативно-розыскная часть по линии налоговых преступлений* (19). В таком случае активность субстантивных словосочетаний с предлогом *по линии* связана в широком смысле с выражением ограничительных отношений.

Предлог *в рамках* принадлежит к числу живо развивающихся производных предлогов. Грамматическое значение, выражаемое им, подкрепляется лексическим значением существительного, вошедшего в его состав. Предлог *в рамках*, подобно предлогу *в области, в сфере*, выражает ограничительное значение, указывая в границах чего действует, выражается то, что названо опорным словом.

В субстантивных словосочетаниях употребление рассматриваемого предлога ограничивается классом отглагольных существительных (или словообразовательно связанных с ними) и отвлеченных существительных. Проиллюстрируем примеры: *взаимодействие в рамках единого информационного пространства* (15), *работа в рамках второго этапа операции* (19), *реализация программы в рамках партийной работы* (28). В качестве зависимого компонента имеются слова с процессуальным и отвлеченным значением. Синонимизируются с ними конструкции с близкими по значению предлогами *по, в области, в сфере*.

В качестве опорных существительных выступают также существительные с непередметным значением: *неразрешимость в рамках прежнего курса* (17), *задолженность в рамках Лондонского клуба* (30), *экспорт в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие»*

(30), *миссии в рамках ООН* (30). Оттенок соответствия выражает предлог *в рамках* в конструкции *экспорт в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие»*. В словосочетании *миссия в рамках ООН* предложная часть выражает значение ограничения до того, что выражено зависимой словоформой. Предлог синонимичен предложным сочетаниям: *под эгидой, под покровительством*. Употребление данного предлога с названиями лиц довольно редко. Нами найден один пример такого употребления – *чемпион в рамках федерации* (30).

Несколько иное значение несет предлог *в лице*, который употребляется в русском языке для передачи определительных значений (отношение частного и общего). В конструкциях с этим предлогом главное слово выражено существительным, называющим конкретное лицо, зависимый член – существительным, обозначающим то же лицо по роду деятельности, занятий, ср.: *Никольский в лице сенатора, девушка в лице помощницы*.

В XX веке расширяется семантический круг опорных слов, способных окружаться этим предлогом. В этой роли стали употребляться также неличные существительные, напр.: *факторы в лице генерала Лебеда и генерала Рохлина* (8).

Абстрактность предлога повышается в результате употребления в качестве зависимого компонента (несмотря на импликацию наименований лиц предлогом *в лице*) существительных, не называющих уже лиц, напр.: *соперники в лице правящей партии* (5), *участники рынка в лице Союза сахаропроизводителей* (14). На дальнейшей ступени развития конструкций с данным предлогом появляются такие существительные, в которых ни один из членов отношения не называет лицо, абстрагируясь от внутренней формы предлога, напр.: *страна в лице Тверской области* (8), *возражения Правительства РФ в лице Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации* (74), *новый чипсет AMD седьмой серии в лице материнской платы Biostar TA770 A2+* (71).

Таким образом, активность данного предлога проявляется в расширении семантического круга опорных существительных, способных сочетаться с данным предлогом. Предлог высвободился от обязательных связей с существительными, называющими лиц, и активизируется в сочетании с другими классами существительных.

Первые предпосылки к появлению предлога *в отношении* намечаются уже в конце XVIII – начале XIX вв. В XIX веке данный предлог широко употреблялся в сочетании с опорными словами, называющими качественный признак (*безграмотность в отношении оказания первой помощи*).

В XX веке семантический круг опорных слов, способных сочетаться с данным предлогом, увеличивается и начинает охватывать не только глаголы, но и существительные словообразовательно или семантически связанные с глаголами. На дальнейшем этапе в качестве главных появляются отвлеченные существительные такие, как: *политика, шаги, действия*, ср.: *политика в отношении Кавказа* (43), *политика в отношении палестинцев* (26), *шаги в отношении свободы* (14), *шаги в отношении «Нижневартовскнефтегаза»* (42), *действия в отношении ведущих российских банков* (27), *кризис доверия в отношении конкурентоспособности «тигров»* (16). В данных конструкциях предлог *в отношении* выражает объектные значения. Соотносительными с отмеченными конструкциями являются словосочетания с предлогом *относительно, по отношению к, частично по*. Образуется богатая синонимика словосочетаний, напр.: *политика в отношении Кавказа – политика по отношению к Кавказу – политика по Кавказу*. Функцию опорных слов могут выполнять отглагольные существительные, напр.: *решения в отношении Европы* (9), *ограничения в отношении аппаратов данного класса* (10). Предлог *в отношении* является в данном случае универсальным средством передачи объектных значений. Конструкция *решения в отношении Европы* выразительна и однозначно определяет тип отношения между двумя словами по сравнению с соотносительной конструкцией с предлогом *по*: *решения по Европе*. Предлог *в отношении* стал широко употребляться в юридической терминологии, напр.: *уголовные дела в отношении журналистов* (43), *уголовное дело в отношении группы лиц, обвиняемых в бандитизме* (26), *преступления в отношении жителей* (28). Предлог *в отношении*, благодаря значению бывшего существительного, определяет по отношению к чему-л. (кому-л.) производится то, что названо опорным словом.

Заключая наши выводы, следует отметить, что производные предлоги, благодаря прозрачной внутренней структуре, способны выражать более дифференцированно вид грамматических отношений.

Отыменные предлоги являются выразительным средством передачи грамматических значений. Словосочетания с производными предлогами имеют синонимичные им конструкции как с первообразными, так и производными предлогами. Благодаря этому, они могут употребляться параллельно, заменяя друг друга. Собранный материал показал, что абстрактность отыменных предлогов растет, когда они вступает в связь с опорными словами и зависимыми существительными, обозначающими отвлеченные понятия, несмотря на возможную предметную импликацию, идущую от бывшего существительного в структуре производного предлога. Расширение семантического круга опорных слов, способных окружаться такими предлогами, является одним из доказательств их возрастающей абстрактности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный русский язык подвергается постоянным изменениям, которые находят свое выражение в выковывании новых дистрибутивных моделей. Главными причинами экспансии новых типов сочетаемости у существительных (в том числе у ряда других частей речи) являются внутрисистемные трансформации, а также упрочнение в литературном языке конструкций из разговорного языка. Немалую роль играет растущая значимость газетно-публицистического стиля. Особые требования, выдвигаемые к такому стилю, предполагают употребление стяженных и однозначно интерпретируемых кусков информации. Тенденция к сжатости и точности несомненно упрощает языковой код, что приводит к имплицитности некоторых компонентов смысла. Эллипсису подвергают те элементы языковой структуры, которые не обременены большой семантической нагрузкой. Структурное упрощение сопровождается усложнением плана содержания, его семантической конденсацией.

Субстантивные предложные словосочетания неоднократно возникают на базе беспредложных моделей. Процессы этого типа обусловлены, наблюдаемой уже давно, тенденцией к ослаблению значения падежных функций в пользу предложных. В предложных моделях значение падежа подкрепляется лексическим значением предлога, что приводит к большей выразительности обозначаемых понятий. Экспансия предложных конструкций во многих случаях диктуется их большей семантической выразительностью по сравнению с синтетическими формами.

Предлог обогащает значение словосочетания или вводит дополнительный оттенок. С другой стороны, появляются предлоги, которые становятся лишь синтаксическим знаком зависимости слов. В таком случае он выполняет лишь функцию простого знака зависимости, сцепляя соответствующие компоненты словосочетания.

Появление новых дистрибутивных моделей сопровождается неоднократно изменениями семантического плана. В таком случае имеет место сдвиг значения или его актуализация. При этом предлог подчеркивает или эксплицирует определенную часть смысла, заключенного в опорном компоненте. Как замечают лингвисты, в этом проявляется как бы «неуверенность» говорящего в использовании чисто синтетических конструкций. В связи с этим особенно важным оказывается опора на формальные показатели – предлоги.

Исключительно важным фактором в активизации субстантивных словосочетаний являются парадигматические отношения. Смысловые связи между словами приводят к унаследованию дистрибутивных свойств одного слова другим на основе тождественности лексико-грамматического значения или близости общего лексико-семантического значения.

Процессы семантико-синтаксической аналогии относятся к наиболее активным в русском языке. Рост семантических факторов является одним из важнейших тенденций на уровне словосочетаний. Модель сочетаемости чаще всего копируется у определенной лексико-семантической группы слов. Таким образом, на сегодняшнем этапе развития русского синтаксиса прослеживается процесс моделирования и распределения слов вокруг определенных структурных моделей за счет укрепления семантических связей. Этому способу формирования предложных конструкций принадлежит главное место в системе всех протекающих в современном русском языке синтаксических явлений.

В дифференциации грамматических значений заменты производные предлоги, лексическое значение которых подкрепляется значением бывшего существительного, входящего в состав производного предлога. Образования с отыменными предлогами вытесняют как беспредложные конструкции, так и конструкции с первообразными предлогами. Такое явление объясняется тем, что отыменные предлоги способны более дифференцированно и однозначно передовать частный вид грамматических отношений. Кроме того, наблюдается расширение семантических классов существительных, способных сочетаться с отыменными предлогами, что приводит к их растущей абстрактности.

Меньшую роль в моделировании новых образцов сочетаемости играют процессы переразложения связей внутри сложного глагольного

словосочетания, в котором наступает структурное перераспределение компонентов.

В целом необходимо отметить, что активность и экспансия предложных субстантивных словосочетаний, порождаемая целым комплексом синтаксических процессов, обогащает и усложняет систему синтаксических средств выражения. Новые модели сочетаемости расширяют словосочетательные потенции существительных. Активность субстантивных предложных конструкций находится в русле аналитических процессов в языке. Изменения в синтаксическом строе свидетельствуют также о нарастающем ослаблении грамматических связей. На месте сильных синтетических связей возникают более свободные, предложного характера, следовательно, наступает расширение слабооформленных грамматических связей. Все эти факторы изменяют условия функционирования и строения словосочетаний в современном русском языке.

РЕЗЮМЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Współczesny język rosyjski, podobnie jak inne języki, podlega nieustannym zmianom i transformacjom. Jednym z podatnych na przekształcenia poziomów języka jest składnia. Zmiany walencyjne rzeczowników, którym poświęcona jest niniejsza monografia, stanowią bogaty materiał do badań nad przyczynami przeobrażeń w dziedzinie łączliwości syntaktycznej.

Prezentowana monografia składa się ze wstępu, trzech rozdziałów, zakończenia, resume w języku polskim, wykazu źródeł oraz spisu bibliograficznego.

We Wstępie (*Введение*) została omówiona problematyka związana ze zmianami zachodzącymi w systemie języka rosyjskiego ze szczególnym uwzględnieniem procesów syntaktycznych. Przedstawiono główne czynniki rozwoju języka, którymi są, z jednej strony, procesy wewnątrzsystemowe, z drugiej – przyczyny zewnętrzne związane ze zmianami społeczno-ekonomicznymi, które również wpływają na zmiany językowe.

Materiałem badawczym do niniejszej monografii posłużyły przyimkowe substantywne związki wyrazowe, w których obserwuje się zmiany łączliwości pod wpływem czynników formalnych i semantycznych. Baza materiałowa, licząca 2536 związków wyrazowych, została wyekscerpowana z prasy rosyjskiej końca XX i początku XXI wieku. Wykorzystano również źródła prasowe w formie elektronicznej. Scharakteryzowano styl publicystyczny prasy rosyjskiej, który jest szczególnie wrażliwy i podatny na kształtowanie się nowych modeli dystrybucyjnych.

Rozdział pierwszy (*Словосочетание в синтаксической науке*) składa się z trzech podrozdziałów. Część pierwsza (*1.1. Словосочетание как синтаксическая единица*) jest próbą krótkiego przedstawienia przeglądu badań na temat związków wyrazowych w pracach lingwistycznych. Wobec wielości poglądów i teorii na temat omawianego zagadnienia zwrócono uwagę na najważniejsze prace językoznawcze. Poruszono również teorety-

czną stronę takich terminów jak syntagma, czy też wzajemne relacje pomiędzy zdaniem a grupą wyrazową, jak również pozostałymi jednostkami organizacyjnymi zdania. Część druga (1.2. *Сочетаемость и синтаксическая валентность*) opisuje ważną i istotną dla związków wyrazowych kwestię łączliwości i walencji, ponieważ wpływają one bezpośrednio na możliwości kolokacyjne rzeczowników. Przedstawiono główne czynniki determinujące łączliwość rzeczowników. Istotną kwestią stało się określenie, w jakim stopniu łączliwość narzucana jest przez związki przedmiotowo-logiczne występujące w rzeczywistości pozajęzykowej, a w jakim stopniu łączliwość ograniczona jest przez określone zasady łączenia wyrazów idące od samego języka. Wykazano, że relacje między wyrazami kształtują się na poziomie leksykalnym, semantycznym, morfologicznym, syntaktycznym i intonacyjnym. Część trzecia rozdziału pierwszego (1.3. *Структура словосочетания*) opisuje płaszczyznę strukturalną grup wyrazowych. Przedstawiono czynniki determinujące strukturę grup wyrazowych, do których należą właściwości morfologiczne nadrzędnika, jego znaczenie leksykalno-semantyczne, struktura słowotwórcza członu głównego, mogąca otwierać miejsce dla przyimków lub form przyimkowych.

Rozdział drugi (*Место и значение предлога в словосочетании*) jest poświęcony określeniu roli i miejsca przyimka w związkach wyrazowych. Przyimek, będący elementem pośredniczącym między głównymi częściami struktury grupy wyrazowej, służy jako środek syntaktycznego podporządkowania członu zależnego. W pracy powołano się m.in. na takich badaczy jak N.J. Szwedowa, W.W. Winogradow, W.N. Jarcewa, N. Durnowo, E.T. Czerkasowa, którzy wskazują, że przyimki nie tracą całkowicie swojego znaczenia leksykalnego i jeszcze nie stały się prepozycyjnymi formantami. W niniejszej części zwrócono uwagę na przyimki odrzeczownikowe, które w większym stopniu zachowują swoje znaczenie leksykalne, dzięki występowaniu w ich strukturze rzeczownika. Przedstawiono szereg przykładów na to, że, funkcjonując w strukturze grupy wyrazowej, przyimki mogą stawać się również prostym znakiem formalnej podrzędności pomiędzy wyrazami. Jak wykazano, aktywny rozwój przyimków wtórnych we współczesnym języku rosyjskim wzbogaca synonimiczne środki wyrażania skomplikowanych relacji między przedmiotami i zjawiskami otaczającego świata.

Rozdział trzeci (*Активные процессы в словосочетании*) przedstawia analizę zebranego materiału badawczego ze względu na rodzaj

zachodzących procesów syntaktycznych. W części pierwszej (3.1. *Ослабление значения падежей*) uwaga została skupiona na obserwowanym od dawna procesie osłabienia znaczeń form przypadkowych na korzyść form przyimkowych. Mimo iż zjawiska tego typu obserwuje się już od dawna, to ich intensyfikacja w XX i XXI wieku nabiera na sile. Autor przedstawia wypieranie form przypadków syntetycznych przez konstrukcje przyimkowe związane jest z tendencją do unikania ich wielofunkcyjności (por. *экономия строительства – экономия на строительстве, ограничения прохода – ограничения в проходе*). Konstrukcje z przyimkiem są bardziej wyraziste znaczeniowo, są środkiem redukcji wieloznaczności form bezprzyimkowych (por. *контроль банка* i *контроль над банком*). Przytoczono przykłady świadczące o tym, że pojawienie się przyimka może pociągać za sobą również transformacje semantyczne członu głównego (por. *ограждение дачи* i *ограждение на дачу*).

Kolejna część poświęcona jest opisowi procesów związanych ze zróźnicowaniem znaczenia gramatycznego przyimków (3.2. *Дифференциация значения предлогов*). Pojawienie się konstrukcji przyimkowej, spowodowane w zdecydowanej większości asocjacjami paradygmatycznymi, może prowadzić do powtórzenia lub eksplikacji określonego komponentu znaczenia. Jak wykazano, jednym z najbardziej aktywnych na tym polu jest przyimek *на*, wnoszący dodatkowy komponent znaczeniowy celu, celowego ukierunkowania (por. *курс на интеграцию, талисман на богатство, договор на ремонт*). Znaczenie ukierunkowania bardzo często realizowane jest w konstrukcjach z komponentem głównym, w semantyce którego takie znaczenie może zostać zaktualizowane. Różnicowanie znaczenia gramatycznego zostało również zaprezentowane na przykładzie przyimków *от*, *для*, *к* i *в*.

Przyimek może również zacierać swoje znaczenie leksykalne, stając się elementem w wysokim stopniu zgramatykalizowanym. Analizę tego typu procesów prezentuje kolejna część (3.3. *Нивелировка значения предлогов*). Zasadniczy zakres użycia przyimków gramatycznych sprowadza się do wyrażania stosunku czystej relacji dwóch form. Jak udowodniono, na tym polu wyjątkową aktywnością cieszy się przyimek *по* (por. *показатели по доходам, планы по утилизации, братья по несчастью*). Niniejsza część prezentuje również główne przyczyny ekspansji tego typu konstrukcji. Niektóre przyimki stają się uniwersalnym narzędziem zespolenia wyrazów w jednolite i gramatycznie spójne wyrażenia pojęciowe prowadzące do

powstawania zunifikowanych i stereotypowych modeli (por. *специалист по бэк-офису, менеджер по туризму, агент по сбыту энергии*). Zaprezentowano również wypieranie przez przyimek *по* innych modeli składniowych, co prowadzi do wzbogacania synonimicznych środków języka, ponieważ nowe konstrukcje rywalizują z konstrukcjami pierwotnymi, bądź też funkcjonują w języku równolegle.

Procesom analogii semantyczno-syntaktycznej i kontaminacji poświęcono miejsce w kolejnej części rozdziału (3.4. *Аналогия и контаминация*). Przedstawiono przegląd prac językoznawczych na temat procesów analogii i kontaminacji, które odgrywają istotną rolę w zmianach walencyjnych i należą do najbardziej aktywnych we współczesnym języku rosyjskim. W niniejszej części przeanalizowano proces kształtowania się ujednoczonych modeli dystrybucyjnych, który świadczy o tendencji do regularności schematów składniowych opartych w dużym stopniu na asocjacjach semantycznych (por. model *идея о чем-л.* powstał na podstawie modelu *информация о чем-л., страхование от чего-л.* został utworzony na bazie *избавление от чего-л.*). Zatem ten sposób proces analogii przejawia się w grupowaniu wyrazów o pewnym wspólnym elemencie znaczeniowym wokół jednego wzorca dystrybucyjnego. Przykładem wyrównywania wzorca łączliwości wg znaczenia semantycznego mogą być wyrazy o znaczeniu silnie wyrażanych emocji, typu: *восторг, страх, боязнь*, które przy wyrażaniu znaczenia obiektu łączą się z przyimkiem *перед*. Dlatego też więź paradygmatica między wyrazami stanowi istotny czynnik modelujący łączliwość. W niniejszej części zwrócono również uwagę na równoległe funkcjonowanie w języku dwu (lub więcej) tożsamych semantycznie modeli.

W dalszej części rozdziału trzeciego (3.5. *Перепереложение синтаксических связей*) analizie poddano konstrukcje powstałe w rezultacie przegrupowania więzi syntaktycznych na bazie złożonej struktury werbalnej. Zjawisko tego typu ma charakter złożony i może prowadzić do rozpadu związków wyrazowych, zmiany ich struktury i powstania nowych modeli. Omówiono proces powstawania tego typu konstrukcji, które tworzone są na podstawie rozbicia wewnętrznych relacji werbalno-substantywnych (por. *получить доходы от операций – доходы от операций, наложить санкции на продукцию – санкции на продукцию*). Jak zauważono, tego typu zmianom nie towarzyszą transformacje znaczeniowe poszczególnych komponentów grupy wyrazowej.

Zmiany łączliwości syntaktycznej wyrazów dokonują się na skutek działania sił wewnątrzsystemowych. Tendencja do skrótowości jest jednym z czynników sprawczych zmian syntaktycznych. Dlatego ważnemu zjawisku kompresji strukturalnej została poświęcona kolejna część (3.6. *Структурная компрессия*). Omówiono tendencję do upraszczania elementów kodu językowego. Wykazano, że najczęściej elipsie podlegają elementy o niewielkim ładunku znaczeniowym (por. *кандидат на должность директора – кандидат на директора*). W niniejszej części opisowi podlegają również szeregi synonimiczne powstałe na skutek współlistnienia w języku konstrukcji pełnych i powstałych w rezultacie elipsy.

Ostatnia część rozdziału trzeciego prezentuje związki wyrazowe z przyimkami wtórnymi (3.7. *Словосочетания с производными предлогами*). Odrzeczownikowe przyimki wtórne typu: *в сфере, в адрес, в области, по линии, в рамках, в сфере, в лице, в отношении* są szczególnie aktywne w substantywnych związkach wyrazowych. Przeanalizowano konstrukcje z przyimkami odrzeczownikowymi, które wchodzą w szeregi synonimiczne z pozostałymi formacjami przyimkowymi i bezprzyimkowymi (por. *новичок в приватизации – новичок в сфере приватизации – новичок в области приватизации, задача установления отношений – задача в области установления отношений – задача в сфере установления отношений*).

Analiza konstrukcji z przyimkami wtórnymi wykazała, że są one bardziej atrakcyjne ze względu na możliwość jednoznacznego precyzowania znaczeń, dzięki przejrzystej budowie słowotwórczej. Wymieniono czynniki, które wpływają na wzrost znaczenia abstrakcyjnego przyimków wtórnych.

W Zakończeniu (*Заключение*) monografii przedstawione jest podsumowanie przeprowadzonej analizy językowej. Podkreślono istotną wagę zachodzących procesów syntaktycznych w kształtowaniu nowych modeli dystrybucyjnych. Nieustanne kształtowanie się wzorców łączliwości w istotny sposób oddziałuje na rozwój współczesnego języka rosyjskiego.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- (1) Московские новости, 1996, №3
- (2) Сегодня, 1997, №179
- (3) Московские новости, 1997, №20
- (4) Московский Комсомолец, 1997, №157
- (5) Известия, 1997, №158
- (6) Техника молодежи, 1986, №5
- (7) Аргументы и факты, 1997, №19
- (8) Известия, 1997, №157
- (9) Московские Новости, 1997, №11
- (10) Техника молодежи, 1986, №1
- (11) Техника молодежи, 1984, №10
- (12) Спорт Экспресс, 1994, №126
- (13) Московские Новости, 1996, №14
- (14) Сегодня, 1997, №180
- (15) Компьютерная неделя, 1996, №15
- (16) Компьютерная неделя, 1997, №151
- (17) Московские Новости, 1997, №32
- (18) Сегодня, 1997, №165
- (19) Московская правда, 1994, №133
- (20) Комсомольская правда, 1997, №147
- (21) Вечерняя Москва, 1997, №174
- (22) Московские новости, 1997, №32
- (23) Московский Комсомолец, 1998, №154
- (24) Врачебные тайны, 1997, №7
- (25) Сегодня, 1997, №166
- (26) Правда, 1997, №19
- (27) Новая газета, 1997, №25
- (28) Независимая газета, 1997, №144
- (29) Московская правда, 1997, №151
- (30) Известия, 1997, №151
- (31) Московские новости, 1998, №21

- (32) *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, под ред. Е.А. Земской, Москва 1996
- (33) R. Skiba, M. Szczepaniak, *Деловая речь*, Warszawa 1998
- (34) С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1997
- (35) М.С. Панюшева, *Синтаксические страдания и курьезы*. В: Журналистика и культура русской речи, Вып. II, Москва 1997
- (36) *Вечерняя Москва*, 29 апреля 1965 г.
- (37) Д. Борман, *Компьютерная энциклопедия*, Санкт-Петербург 1996
- (38) *Комсомольская правда*, 1997, №150
- (39) *Вечерняя Москва*, 1997, №186
- (40) *Мир новостей*, 25-31 августа 1997 г.
- (41) *Добрые советы*, 1997, №8
- (42) *Коммерсантъ-daily*, 14 августа 1997 г.
- (43) *Независимая газета*, 1997, №12
- (44) Ф.Я. Иосифович, Х.В. Владимирович, *50 договоров и другие документы*, Business Book, 1992, №1
- (45) Рихтер Г.И., *Наблюдения над первообразными предложениями и предложными конструкциями в современном русском литературном языке*, „Русский язык в школе” 1955, № 6.
- (46) Болдырев Р.В., *Структурно-семантические процессы в русской речи*, Киев 1967.
- (47) *Большой толковый словарь русского языка*, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург 1998.
- (48) *Компьютерное обозрение*, 2010, №22 (688).
- (49) *Независимая газета*, 10 сентября 2008 г.
- (50) *Квартирный ряд*, №18 (745), 18 июня 2009 г.
- (51) *Московский Комсомолец*, 30 июня 2010 г.
- (52) *Московский Комсомолец*, 23 июня 2010 г.
- (53) *Московский Комсомолец*, 6 мая 2010 г.
- (54) *Московский Комсомолец*, 7 мая 2010 г.
- (55) *Вечерняя Москва*, 1 декабря 2010 г.
- (56) *Вечерняя Москва*, 9 декабря 2010 г.
- (57) *Вечерняя Москва*, 12 декабря 2010 г.
- (58) *Вечерняя Москва*, 30 декабря 2010 г.

Интернет-источники

- (59) Правда.ру, 7 июля 2010 г.
- (60) Полит.ру, 30 декабря 2010 г.
- (61) Lenta.ru, 30 декабря 2010 г.
- (62) Независимая газета, 13 сентября 2010 г.
- (63) Ведомости, №152, 17 августа 2010 г.
- (64) Комсомольская правда, 5 января 2011 г.
- (65) Независимая газета, 5 января 2011 г.
- (66) Независимая газета, 6 января 2011 г.
- (67) Ведомости, №248, 30 декабря 2010 г.
- (68) Ведомости, №238, 16 декабря 2010 г.
- (69) Ведомости, №208, 3 ноября 2010 г.
- (70) Комсомольская правда, 21 октября 2010 г.
- (71) Комсомольская правда, 25 октября 2010 г.
- (72) Комсомольская правда, 29 марта 2011г.
- (73) Комсомольская правда, 1 апреля 2011г.
- (74) Независимая газета, 30 марта 2011 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова Г.Н., *Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка*, Ленинград 1982.
- Амбарцумян Р.С., *Логико-семантический и синтаксический аспекты теории валентности (немецкий язык)*, Диссертация на соискание названия кандидата филологических наук, Москва 1976.
- Апресян Ю. Д., *Идеи и методы современной структурной лингвистики*, Москва 1966.
- Астафьева Н.И., *Предлоги в русском языке и особенности их употребления*, Минск 1974.
- Балли Ш., *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва 1955.
- Бернштейн С. И., *Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова*. В: Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, 1920.
- Боголепов А.П., *К учению о предлоге в современной русской грамматике*, "Русский язык в советской школе" 1931, №2-3.
- Болдырев Р.В., *О некоторых лексико-грамматических изменениях в синтаксисе управления русской разговорной речи (предложные конструкции)*, Автореф. диссерт., Киев 1964.
- Болдырев Р.В., *Структурно-семантические процессы в русской речи*, Киев 1967.
- Большой толковый словарь русского языка*, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург 1998.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, под ред. В.Н. Ярцевой, Москва 1998.
- Бондаренко В.С., *Предлоги в современном русском языке*, Москва 1961.
- Бондина О.Н., Архипкина Г.Д., *О роли валентности в изучении смысловой структуры многозначного слова*, Ростов н/Дону 1984.
- Брицын В.М., *Сопоставительное исследование синтаксических синонимов в русском и украинском языках*, Киев 1980.

- Будагов Р.А., *Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?*, “Вопросы языкознания” 1972, № 1.
- Вакуров В.Н., Рахманова Л.И., Толстой И.В., Формановская Н.И., *Трудности русского языка, Словарь-справочник*, Москва 1993, ч. I.
- Валгина Н.С., *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2003.
- Виноградов В.В., *Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)*, Москва 1958.
- Виноградов В. В., *Русский язык*, Москва 1947.
- Виноградов В.В., *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва 1972.
- Виноградов В.В., *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва 1986.
- Востоков А.Х., *Русская грамматика*, изд. 4, 1839.
- Гвоздев А.Н., *Современный русский литературный язык*, Москва 1973, т. I.
- Головин Б.Н., *К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса. В: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие*, ред. колл. В.Н. Ярцева, Н.Ю. Шведова, Москва 1969.
- Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., *Книга о хорошей речи*, Москва 1997.
- Горбачевич К.С., *Нормы современного русского литературного языка*, Москва 1981.
- Грамматика и норма*, под ред. В.А. Ицковича, Г.И. Миськевича, Л.И. Скворцова, Москва 1977.
- Грамматика современного русского литературного языка*, под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва 1970.
- Граудина Л.К., *Вопросы нормализации русского языка, Грамматика и варианты*, Москва 1980.
- Григорьева, *К изучению синтаксиса предложного управления в русском литературном языке первой трети XIX в. (употребление предлога по в языке Пушкина)*. В: *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, под ред. В.В. Виноградова, Москва-Ленинград 1951, т. II.
- Дерибас В.М., *Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка*, Москва 1975.

- Золотова Г.А., *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва 1973.
- Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века*, под ред. В.В. Виноградова, Москва 1964.
- Иомдин Л.Л., *Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету*. В: *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*, pod red. Z. Saloniego, Białystok 1990.
- Ицкович В.А., *Конструкции с предлогом по*. В: *Грамматика и норма*, Москва 1977.
- Ицкович В.А., *Очерки синтаксической нормы*, Москва 1982.
- Какорина Е.В., *Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени*, Автореф. кан. фил. наук, Москва 1992.
- Карцевский С.И., *Повторительный курс русского языка*, Москва 1928.
- Кацнельсон С. Д., *Историко-грамматическое исследование, Из истории атрибутивных отношений*, Москва-Ленинград 1949.
- Кацнельсон С. Д., *О грамматическом значении*, Вестник ЛГУ, № 2, Ленинград 1948.
- Качалина Н.С. *Синонимия предложно-надежных конструкций, выражающих целевые значения*. В: *Развитие синонимических отношений в истории русского языка*, под ред. В.М. Маркова, Ижевск 1980.
- Кирпичникова Н.В., *Современный русский язык. Синтаксис*, Москва 1977.
- Костомаров В.Г., *Культура речи и стиль*, Москва 1960.
- Костомаров В.Г., *Русский язык на газетной полосе*, Москва 1971.
- Кошанский Н.М., *О русском синтаксисе*, Труды общества любителей российской словесности при императорском Московском университете, XV, Москва 1819.
- Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М., *Стилистика английского языка*, Ленинград 1960.
- Лаптева О.А. *Типология вариативных синтаксических рядов в аспекте функционирования литературного языка*, "Вопросы языкознания" 1984, № 2.
- Листвинов Н.Г., *Вопросы стилистики русского языка*, Москва 1962, ч. II.
- Ломоносов М. В., *Российская грамматика, Полное собрание сочинений*, Москва-Ленинград 1952, т. VII.

- Ломтев Т.П., *Очерки по истории синтаксиса русского языка*, Москва 1956.
- Мартине А., *Принцип экономии в фонетических изменениях*, Москва 1960.
- Мартине А., *Основы общей лингвистики*. В: Новое в лингвистике, вып. 3, Москва 1963.
- Мечковская Б., *Социальная лингвистика*, Москва 2000.
- Мещанинов И.И., *Члены предложения и части речи*, Москва-Ленинград 1945.
- Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*, РЯСО, под ред. М.В. Панова, Москва 1968.
- Мещанинов И.И., *Члены предложения и части речи*, Ленинград 1978.
- Панюшева М.С., *Синтаксические страдания и курьезы*. В: *Журналистика и культура русской речи*, вып. II, Москва 1997.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 1997.
- Петерсон М. Н., *Очерк синтаксиса русского языка*, Москва-Пг. 1923.
- Пешковский А.М., *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва 1938.
- Попова З.Д., *Употребление надежных и предложно-надежных форм в современном русском литературном языке*, Воронеж 1971.
- Попова З.Д., Стрижененко В.Д., *Наблюдения над потреблением некоторых надежных и предложно-надежных форм в нелитературной речи*. В: *Материалы по русско-славянскому языкознанию*, под ред. Л.И. Бранчикова, Воронеж 1972.
- Прокопович Н.Н., *Словосочетание в современном русском литературном языке*, Москва 1966.
- Прокопович Н.Н., *Вопросы синтаксиса русского языка*, Москва 1974.
- Прокопович Н.Н., Дерibas Л.А., Прокопович Е.Н., *Именное и глагольное управление в современном русском языке*, Москва 1981.
- Развитие синтаксиса современного русского языка*, под ред. Н.С. Пospelова, Е.А. Инанчиковой, Москва 1966.
- Рихтер Г.И., *Наблюдения над первообразными предложениями и предложными конструкциями в современном русском литературном языке*, "Русский язык в школе" 1955, № 6.
- Рогова К.А., *Синтаксические особенности публицистической речи*, Ленинград 1975.

- Розенталь Д.Э., *Культура речи*, Москва 1964.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва 1972.
- Ройзензон Л.И., Абрамец И.В., *О фразеологической контаминации в русском языке*, "Русский язык в школе" 1969, № 3.
- Русская грамматика*, под ред. Н.Ю. Шведовой, т. I-II, Москва 1980.
- Русская разговорная речь*, под ред. Е.А. Земской, Москва 1973.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, под ред. Е. А. Земской, Москва 1996.
- Русский язык. Энциклопедия*, под ред. Ф.П. Филина, Москва 1979.
- Сиротинина О.Б., *Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики*. В: Развитие функциональных стилей современного русского языка, Москва 1968.
- Сорокин Е.Г., *Словосочетания с предлогом с в русском языке в их историческом развитии*. Канд. дисс., Горький 1957.
- де Соссюр Ф., *Курс общей лингвистики*, Москва 1933.
- Сухотин В. П., *Проблема словосочетаний в современном русском языке*, В: Вопросы синтаксиса современного русского языка, Москва 1950.
- Тулина Т.А., *Функциональная типология словосочетаний*, Киев-Одесса 1976.
- Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*, под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, Москва 1978.
- Ушаков Г.А., *К вопросу о критериях грамматической синонимии*. В: Развитие синонимических отношений в истории русского языка, под ред. В.М. Маркова, Ижевск 1980.
- Ушакова А.П., Дворниченко Т.О., *Производные предлоги с причинным значением в современном русском языке*, Тюмень 1993.
- Филин Ф. П., *Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка*, "Вопросы языкознания" 1975, № 3.
- Филиппова В.М., *Изменения в глагольных словосочетаниях*. В: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века, под ред. В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, Москва 1964.
- Филичева Н.И., *Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов*, "Вопросы языкознания" 1967, № 2.

- Флекенштейн К., *К вопросу о взаимоотношении беспредложных и предложных сочетаний*, "Русский язык в школе" 1970, № 6.
- Флекенштейн К., *Некоторые замечания о глагольном управлении в современном русском языке*, "Русский язык в школе" 1970, № 3.
- Фортунатов Ф. Ф., *О преподавании грамматики русского языка в средней школе*, Москва 1957, т. II.
- Черкасова Е.Т., *К вопросу об образовании отглагольных предлогов*. В: *Исследования по синтаксису русского литературного языка*, под ред. В.П. Сухотина, Москва 1976.
- Черкасова Е.Т., *К изучению образования русских отыменных предлогов*. В: *Исследования по грамматике русского литературного языка. Сборник статей*, под ред. Н.С. Пospelова, Н.Ю. Шведовой, Москва 1955.
- Черкасова Е.Т., *Переход полнозначных слов в предлоги*, Москва 1967.
- Шапошников В. Н., *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва 1998.
- Шахматов А.А., *Синтаксис русского языка*, Москва 1941.
- Шварцкопф Б.С., *Колебание нормы: его сущность и статус в культурно-речевом и теоретическом плане*. В: *Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова*, Москва 2001.
- Шведова Н.Ю., *Активные процессы в современном русском синтаксисе*, Москва 1966.
- Шведова Н.Ю., *О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (Наблюдения над языком газеты)*, "Вопросы языкознания" 1964, № 2.
- Шведова Н.Ю., *О синтаксических потенциях формы слова*, "Вопросы языкознания" 1971, № 4.
- Шмелев Д.Н., *Избранные труды по русскому языку*, Москва 2002.
- Шелякин М.А., *Функциональная грамматика русского языка*, Москва 2001.
- Щепин А.Г., *О лексической контаминации*, "Русская речь" 1978, № 5.
- Щерба Л. В., *Фонетика французского языка*, Москва 1939.

* * *

- Anusiewicz J., *Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim*, Wrocław 1978.
- Bartoszewicz A., *Zagadnienia ewolucji współczesnego języka rosyjskiego*, Warszawa 1987.
- Buttler D., *Typy łączliwości leksykalnej wyrazów*. W: *Prace filologiczne*, t. XXV, Warszawa 1974.
- Buttler D., *Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny (Walencja wyrazów)*, Warszawa 1976.
- Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H., *Kultura języka polskiego*, Warszawa 1986.
- Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, pod red. K. Polańskiego, Warszawa 1995.
- Klemensiewicz Z., *Skupienia, czyli syntaktyczne grupy wyrazowe*, Kraków 1948.
- Kuryłowicz J., *Zagadnienie klasyfikacji przypadków*. W: *Studia językoznawcze*, Warszawa 1987.
- Lachur Cz., *Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim*, Opole 1999.
- Lachur Cz., *O jednostkach przyimkowych polszczyzny (na marginesie międzynarodowego projektu badawczego „Przyimki słowiańskie w synchronii i diachronii: morfologia i składnia”)*. W: *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy XXI wieku*, red. A. Ksenicz, B. Tichoniuk, Zielona Góra 2007.
- Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык*, red. E. Širjaev, Opole 1997.
- Skalička V. O analogii a anomalii // Slovo a slovesnosc, 1949, Roč. XI. Čis. 4.
- Tesnière L., *Elements de syntaxe structurale*, Paris 1959.
- Wójcik T., *Z zagadnień teorii przyimka*, Kielce 1979.
- Zgółkowa H., *Funkcje syntaktyczne przyimków i wyrażeń przyimkowych we współczesnej polszczyźnie mówionej*, Poznań 1980.
- Żeberek T., *Tendencje rozwojowe współczesnych przyimków rosyjskich*. W: *Historia i terażniejszość Rosji w świetle faktów językowych. Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Lingwistycznej*, red. L. Jochym-Kuszlik, Kraków 1993.
- Żeberek T., *Funkcjonowanie przyimków i wyrażeń przyimkowych w tekście rosyjskim i polskim*, Kraków 1994.